K27 02/35

К27 02/35

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ

ЛЕГЕНДА

О

КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ВЪ СИБИРИ

ВЪ ОБРАЗѢ СТАРЦА ѲЕДОРА КОЗЬМИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

D 4/a 4/10

D

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ

Дуб 4
То
К27 02
35

ЛЕГЕНДА

О

КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ВЪ СИБИРИ

ВЪ ОБРАЗѢ СТАРЦА ѲЕДОРА КОЗЬМИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 6777
1-IV-1924
БИБЛІОТЕКА.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ 13

СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

ЛЕГЕНДА О КОНЧИНѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ СИБИРИ ВЪ ОБРАЗѢ СТАРЦА ѲЕДОРА КОЗЬМИЧА.

ВЪ ТАКОЙ странѣ, какъ Россія, уже съ древнихъ временъ народъ часто поддавался самымъ нелѣпымъ слухамъ, невѣроятнымъ сказаніямъ, и имѣлъ склонность придавать вѣру всему сверхъестественному. Стоитъ только вспомнить появленіе самозванцевъ во время Бориса Годунова, извѣстнаго Лжедимитрія I въ Москвѣ и Лжедимитрія II въ Тушинѣ; Стеньки Разина — въ царствованіе Алексѣя Михайловича, наконецъ, Емельяна Пугачева — при Екатеринѣ II, чтобы убѣдиться въ расположеніи народныхъ массъ вѣрить самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ. Этому, обычно, способствовала внезапная кончина или наслѣдника престола, или самого монарха, какъ это было при убійствѣ царевича Димитрія, казни Алексѣя Петровича и насильственной смерти Петра III.

Когда 19 ноября 1825 года скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ I, послѣ кратковременной болѣзни, толки о томъ, что государь удалился въ невѣдомый монастырь, тотчасъ же распространились въ народѣ; слухи эти ходили и по Москвѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ разные современники, какъ, напримѣръ, братья Булгаковы, и другіе. Тогдашнимъ двигателямъ революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. будущимъ декабристамъ, распространеніе такого рода слуховъ и толковъ было на руку для поддержанія смуты въ низшихъ классахъ народа, и конецъ двадцатыхъ годовъ,

т. е. начало царствованія императора Николая I, можно считать временемъ, когда легендарныя сказанія не только объ Александрѣ I, но и объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, достигали наибольшей интенсивности. Потомъ, въ послѣдующіе года, все это замолкло, и никто больше не интересовался легендой объ исчезновеніи императора Александра I.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, кажется, въ 1866 году, появился въ Петербургѣ купецъ изъ Томска, Хромовъ, который будто бы привезъ какія-то бумаги императору Александру II отъ скончавшагося благочестиваго старца Ѳедора Козьмича[1]), жившаго въ домѣ, принадлежавшемъ Хромову. Говорили, что у Хромова бумаги взяли, его засадили временно въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ отпустили, разрѣшивъ ѣхать обратно въ Томскъ, но при условіи держать языкъ за зубами. При самой тщательной провѣркѣ оказалось, что въ спискахъ лицъ, когда-либо сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости, никакого Хромова не было; что въ дѣлахъ Третьяго Отдѣленія не осталось никакихъ слѣдовъ ни о Хромовѣ, ни о переданныхъ бумагахъ, наконецъ, по наведеннымъ справкамъ у потомковъ Хромова, ничего подобнаго не подтвердилось, кромѣ самаго факта поѣздки его въ Петербургъ. Въ началѣ царствованія императора Александра III купецъ Хромовъ снова былъ въ Петербургѣ, обращался съ прошеніями къ ихъ величествамъ и привозилъ какія-то вещицы, будто бы принадлежавшія старцу Ѳедору Козьмичу, которыя передалъ или переслалъ императору. Фактъ пріѣзда Хромова въ Петербургъ вѣренъ, подачи прошеній— тоже, но о вещахъ опять выдумано, просто къ прошенію была приложена фотографическая карточка старца Ѳедора Козьмича.

Наконецъ, въ 1897 и 1898 годахъ появились въ печати четыре тома «Исторіи царствованія императора Александра I» Н. К. Шильдера, гдѣ разсказана подробно вся легенда о Ѳедорѣ Козьмичѣ и сдѣланы прозрачные намеки на то, что самъ авторъ вполнѣ допускаетъ невѣроятную легенду. Привожу для наглядности заключительныя слова Н. К. Шильдера въ IV томѣ: «Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвой для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ

[1]) Ѳедоръ Козьмичъ скончался въ Томскѣ, гдѣ и похороненъ, въ январѣ 1864 года.

трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости».

На такого рода заключеніе къ обширному и серьезному труду, каково историческое изслѣдованіе Шильдера,—комментаріи излишни. Я лично коротко зналъ и глубоко уважалъ Николая Карловича

Гипсовая маска съ лица императора Александра I.

Шильдера, я убѣжденъ въ полной чистосердечности его воззрѣній, но мнѣ всегда казалось непонятнымъ, какимъ образомъ въ серьезной исторической работѣ можно увлечься до того, чтобы закончить свой капитальный трудъ вышеприведенными словами, которыя только могутъ поддерживать сомнѣнія и смущать образованную публику. Въ подтвержденіе того, что мое мнѣніе не голословно,

укажу на появленіе цѣлаго ряда брошюръ и книжонокъ на тему о сибирскомъ старцѣ, появившихся въ періодъ отъ 1891 г. по 1901 г., какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Занявшись съ того же времени этимъ загадочнымъ вопросомъ, мнѣ пришлось убѣдиться не разъ на мѣстахъ моихъ изслѣдованій, что можетъ сдѣлать съ одной стороны полное невѣжество, а съ другой—слѣпой страхъ передъ какой-то отвѣтственностью. Оказывается, что появленіе брошюръ о сибирскомъ старцѣ Ѳедорѣ Козьмичѣ обратило на себя вниманіе оберъ-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, который навелъ панику на духовенство, особенно черное, вѣроятно, вслѣдствіе ряда грозныхъ секретныхъ циркуляровъ. Такъ, въ одномъ изъ монастырей, недалеко отъ Пскова, ко мнѣ явился монахъ, обѣщая показать что-то интересное, если я его не выдамъ оберъ-прокурору синода. Что же оказалось? У него хранился портретъ Ѳедора Козьмича, во весь ростъ, масляными красками, точная копія извѣстной фотографіи, и этотъ портретъ былъ спрятанъ въ какомъ-то чуланѣ! Другой разъ, одинъ изъ архіереевъ въ Новгородѣ мнѣ лично разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, въ связи съ легендой о старцѣ, но просилъ меня его не выдавать, во избѣжаніе непріятностей съ высшимъ своимъ начальствомъ. Архіерей этотъ впослѣдствіи скончался въ санѣ митрополита.

Мнѣ помогалъ въ моихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о Ѳедорѣ Козьмичѣ одинъ молодой человѣкъ, Николай Аполлоновичъ Лашковъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при новгородскомъ губернаторѣ, графѣ Медемѣ. Лашкова я дважды посылалъ на мои средства въ Сибирь, гдѣ на мѣстахъ онъ сдѣлалъ самыя подробныя справки и составилъ весьма интересный докладъ о всѣхъ сказаніяхъ, толкахъ, разсказахъ, анекдотахъ о старцѣ Ѳедорѣ Козьмичѣ, слышанныхъ имъ во время его путешествія. Кромѣ того, Лашковъ посѣтилъ, по моему порученію, массу монастырей въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи для выясненія того же вопроса. Имъ было встрѣчено не мало затрудненій, и главнымъ образомъ отъ духовенства, которое не то не довѣряло его полномочіямъ, мною даннымъ, не то опасалось для себя непріятностей при осмотрахъ имъ разнородныхъ архивовъ, особенно монастырскихъ.

Что же извѣстно до сихъ поръ о старцѣ Ѳедорѣ Козьмичѣ? Что достовѣрно? Что нужно отбросить въ область легендъ? Старецъ появился въ Сибири въ 1837 году, жилъ въ различныхъ мѣстахъ [1]), ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ окрестнаго населенія (см. подробное донесеніе Лашкова) и никому не обнаруживая своей личности. Его не разъ навѣщали

[1]) А именно: въ селѣ Красная Рѣчка, гдѣ понынѣ осталась келія, другая въ селѣ Зерцалахъ, еще одна келія въ селѣ Бѣлый Боръ и, наконецъ, еще келія въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, извѣстная подъ именемъ «Хромовской заимки».

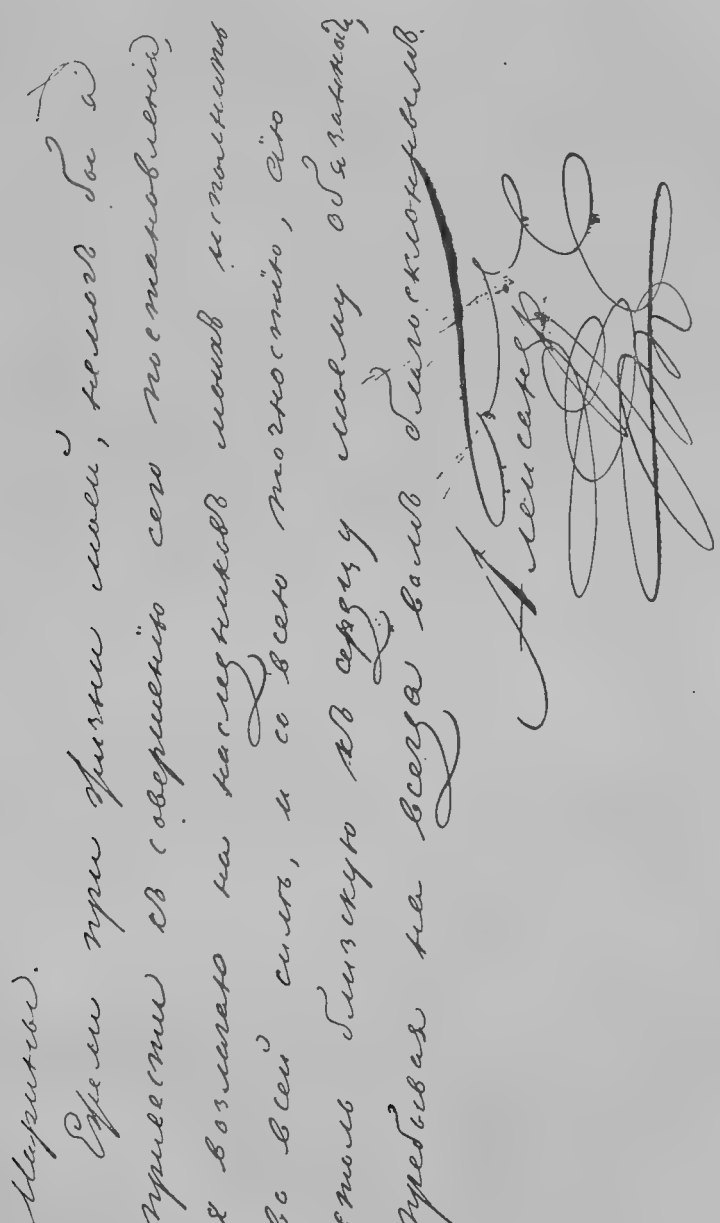
духовныя лица, мѣстные архіереи и случайные путешественники, особенно послѣ его окончательнаго переселенія въ Томскъ. А именно, въ 1859 году, по приглашенію томскаго купца Семена Ѳеофановича Хромова, старецъ Ѳедоръ Козьмичъ перебрался къ нему на жительство, имѣя отдѣльную, скромную келію, гдѣ онъ и скончался 20 января 1864 года, въ глубокой старости. Старшая дочь Хромова, Анна Семеновна Оконишникова, живущая въ Томскѣ и любимица старца Ѳеодора, разсказывала Лашкову слѣдующее: «Однажды лѣтомъ (мы жили въ Томскѣ, а старецъ у насъ на заимкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города) мы съ матерью (Хромовой) поѣхали на заимку къ Ѳедору Козьмичу; былъ солнечный чудный день. Подъѣхавъ къ заимкѣ, мы увидѣли Ѳедора Козьмича гуляющимъ по полю, по военному руки назадъ, и маршируюшимъ. Когда мы съ нимъ поздоровались, то онъ намъ сказалъ: «Панушки, былъ такой же прекрасный солнечный день, когда я отсталъ отъ общества. Гдѣ былъ и кто былъ, а очутился у васъ на полянкѣ». Еще говорила Анна Семеновна и о такомъ случаѣ: «Когда Ѳедоръ Козьмичъ жилъ въ селѣ Коробейниковѣ, то мы съ отцомъ (Хромовымъ) пріѣхали къ нему въ гости. Старецъ вышелъ къ намъ на крыльцо и сказалъ: «Подождите меня здѣсь, у меня гости». Мы отошли немного въ сторону отъ кельи и подождали у лѣсочка. Прошло около двухъ часовъ времени; наконецъ изъ келіи, въ сопровожденіи Ѳедора Козьмича, выходятъ молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый и похожій на покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Старецъ проводилъ ихъ довольно далеко и когда они прощались, мнѣ показалось, что гусаръ поцѣловалъ ему руку, чего онъ никому не позволялъ. Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу кланялись. Проводивши гостей, Ѳедоръ Козьмичъ вернулся къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ моему отцу: «Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти какъ знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ». Словамъ Анны Семеновны можно довѣрять, потому что она почти всегда была съ Ѳедоромъ Козьмичемъ, въ годъ смерти котораго (1864) она имѣла уже 25 лѣтъ отъ роду. Въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря была видна еще недавно могила старца, совсѣмъ скромная, съ обыкновеннымъ крестомъ, на которомъ сдѣлана слѣдующая надпись: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца, Ѳеодора Козьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года». Могила эта пользуется большимъ почетомъ у набожныхъ слоевъ общества города Томска, она также уже многіе годы посѣщается и путешественниками. Изъ извѣстныхъ лицъ могилу эту посѣтили нынѣ благополучно царствующій государь, будучи еще наслѣдникомъ, во время своей поѣздки по Сибири, а раньше этого великій князь Алексѣй Александровичъ и

членъ государственнаго совѣта Галкинъ-Враской, который возобновилъ могилу старца, устроивъ на ней родъ часовни. Кромѣ покойнаго Н. К. Шильдера, который упомянулъ (въ IV т. своего труда) о разсказѣ двухъ сосланныхъ придворныхъ служителей, якобы признавшихъ въ лицѣ старца—государя Александра Павловича, тотъ же эпизодъ встрѣчается въ брошюрахъ о Ѳедорѣ Козьмичѣ съ другими еще, тому подобными, сообщеніями; о сходствѣ старца съ императоромъ Александромъ I Шильдеръ, впрочемъ, и самъ говоритъ (стр. 447, т. IV): «Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича».

Конечно, такого рода замѣтки, какъ въ брошюрахъ о Ѳедорѣ Козьмичѣ, такъ и въ исторіи Александра I-го Шильдера, должны оставлять впечатлѣніе, но однако все это только поэтическіе отблески легенды, весьма заманчивой, но не имѣющей подъ собой никакой почвы. Такъ, напримѣръ, въ числѣ вещей, оставшихся въ келіи старца, находится икона «Почаевской Божіей Матери въ чудесахъ» съ иниціалами «А», еле замѣтными, но которымъ придавалось особое значеніе; самая же икона очень попорчена, части ея недостаетъ и, очевидно, она подверглась порчѣ отъ времени. Изъ вещей старца остались въ келіи: сухонный черный кафтанъ, деревянный посохъ, чулки изъ овечьей шерсти, кожаныя туфли, двѣ пары рукавицъ изъ черной замши и черный шерстяной поясъ съ желѣзной пряжкой. Все остальное въ келіи новѣйшаго происхожденія, особенно масса иконъ, пожертвованныхъ различными лицами, а также два портрета императора Александра I, одинъ въ коронаціонномъ облаченіи, купленный Хромовымъ въ Петербургѣ, на Апраксиномъ рынкѣ, а другой, меньшей величины, копія съ портрета Доу, неизвѣстно кѣмъ здѣсь же, въ келіи, повѣшенный.

Купецъ Хромовъ зналъ, конечно, что творилъ, помѣстивъ такого рода портретъ въ келіи старца послѣ своей извѣстной поѣздки въ Петербургъ, а его наслѣдники рады были бы такъ или иначе заинтриговать публику и дѣлали даже негласныя предложенія о пріобрѣтеніи высокопоставленными лицами келіи Ѳедора Козьмича. Можетъ быть, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія слѣдующіе рукописные остатки отъ старца, а именно: 1) два листочка въ видѣ ленты, на которыхъ (съ обѣихъ сторонъ) имѣются отдѣльныя слова, обрывки изреченій, буквы, цифры и 1837 годъ съ числомъ 26 марта, будто бы написанныя самимъ Ѳедоромъ Козьмичемъ, что вполнѣ возможно; 2) конвертъ съ надписью: «Милостивому государю Семіону Ѳеофановичу Хромову отъ Ѳеодора Козьмича» и 3) копія съ оставленной записки старца Ѳедора Козьмича отъ 2-го іюня 1849 года. Всѣ эти три документа, вѣроятно, находятся еще и теперь у наслѣдниковъ Хромова и были въ оригиналахъ предоставлены въ мое распоряженіе; съ нихъ были сняты увеличенныя фотографіи, находящіяся у меня, а оригиналы съ благодарностью отправлены обратно въ

Томскъ. Первый изъ трехъ документовъ именуется «тайной» Ѳедора Козьмича. Несмотря на самые тщательные розыски ключа къ этой запискѣ, до сихъ поръ не удалось еще никому разгадать эту «тайну» или дешифрировать текстъ. Что касается конверта, гдѣ



Почеркъ императора Александра I.

ясно и твердымъ почеркомъ написано: «отъ Ѳеодора Козьмича», то онъ былъ переданъ спеціалистамъ по разбору почерковъ; всѣ имѣющіяся на конвертѣ буквы въ отдѣльности увеличены и сравнены съ другимъ конвертомъ, написаннымъ рукой императора

Александра I, но всѣми экспертами единогласно было признано, что не имѣется ни малѣйшаго сходства, какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ отдѣльныхъ буквахъ, между обоими почерками. Третья же записка представляетъ собою наборъ изреченій изъ священнаго писанія и трудно догадаться, по какому поводу она была написана. Такъ какъ эта записка—копія, а не подлинникъ, то она имѣетъ наименьшее значеніе.

Этими скудными данными исчерпывается почти все то, что удалось собрать намъ по поводу сибирскаго старца. Матеріалъ, къ сожалѣнію, небольшой и не дающій никакихъ положительныхъ данныхъ для выясненія его личности.

Обратимся теперь къ событіямъ, происходившимъ въ ноябрѣ 1825 г. въ Таганрогѣ. Императоръ Александръ Павловичъ заболѣлъ 4 ноября въ Маріуполѣ, возвращаясь изъ поѣздки по Крыму, но еще до этого, а именно въ Бахчисараѣ, онъ почувствовалъ первые приступы злокачественной лихорадки. На другой день, 5 числа, государь прибылъ въ Таганрогъ и слегъ въ постель. Бывшій при особѣ государя генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій велъ подробный журналъ о ходѣ болѣзни монарха, начатый 5 ноября. Этотъ журналъ напечатанъ цѣликомъ у Шильдера. Сопровождавшіе его величество медики Виллié и Тарасовъ также оставили подробные отчеты о болѣзни государя. На записки врача Тарасова неоднократно ссылается Шильдеръ въ своей исторіи. Когда 19 ноября Александръ I скончался въ Таганрогѣ, было сдѣлано вскрытіе его тѣла, которое было набальзамировано. Протоколъ вскрытія тѣла подписанъ девятью врачами, а именно: лейбъ-медикомъ баронетомъ Виллié, лейбъ-медикомъ Стофрегеномъ, докторами: Рейнгольдомъ, Тарасовымъ, Добертомъ, Лакіеромъ, лѣкарями: Яковлевымъ, Васильевымъ и Александровичемъ. Скрѣпилъ протоколъ генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находился. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ». Кромѣ того, былъ сдѣланъ французскій переводъ этого акта. Всѣ эти данныя напечатаны у Шильдера, и если я упомянулъ о нихъ, то только потому, что покойный нашъ историкъ придавалъ особое значеніе этимъ мелочамъ. Такъ, напримѣръ, актъ о кончинѣ государя подписанъ двумя генералъ-адъютантами, барономъ Дибичемъ и княземъ П. М. Волконскимъ, и двумя врачами, Виллié и Стофрегеномъ, а вышеприведенный протоколъ о вскрытіи тѣла скрѣпленъ лишь генералъ-адъютантомъ А. И. Чернышевымъ. Шильдеръ обращалъ особенное вниманіе на эту разницу въ количествѣ подписей, удивляясь, отчего протоколъ о вскрытіи тѣла подписанъ только Чернышевымъ. Смѣю думать, что это была простая случайность, не имѣвшая

никакого значенія [1]). Подробности о болѣзни и кончинѣ Александра Павловича можно еще встрѣтить въ рядѣ писаній различныхъ личностей, находившихся въ то время въ Таганрогѣ, а именно: въ письмахъ Дибича къ Константину Павловичу, Соломки къ Михайловскому-Данилевскому, камеръ-фрейлины Валуевой и княгини Софіи Григорьевны Волконской къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; сюда принадлежатъ также свѣдѣнія, полученныя со словъ камердинера Ѳедорова и кучера Ильи [2]): «Выѣхавъ изъ Петербурга очень рано, такъ, что только солнце стало показываться на горизонтѣ, и проѣхавъ заставу, государь приказалъ остановиться экипажу и самъ поднялся въ коляскѣ на ноги, съ четверть часа изволилъ стоять и смотрѣть на столицу свою во всѣ стороны, и, какъ сердце предвѣщало, въ послѣдній разъ. Здѣсь же, съ 1 сентября по 1 ноября, видна была комета темная, лучи коей простирались вверхъ на большое пространство, потомъ замѣтили, что она летала, и лучи коей простирались къ западу; къ тому еще въ одну ночь въ октябрѣ, пополуночи во 2 часу, многіе жители Таганрога видѣли надъ дворцомъ двѣ звѣзды слѣдующимъ порядкомъ: сначала онѣ были одна отъ другой въ дальнемъ разстояніи, потомъ соединились, и опять до трехъ разъ расходились, послѣ сего изъ одной звѣзды сдѣлался голубь, сѣлъ на вторую звѣзду, и черезъ короткое время упалъ, и стало его не видно. Засимъ и вторая звѣзда постепенно исчезла.—О кометѣ государь спросилъ кучера своего Илью: Видѣлъ ли ты комету?—Видѣлъ, государь, отвѣчалъ онъ.—Знаешь, что она предвѣщаетъ? Бѣдствіе и горесть.—Потомъ, помолчавъ, государь изволилъ заключить:—Такъ Богу угодно. Наканунѣ отъѣзда его величества въ гибельный Крымъ, государь изволилъ писать собственноручное письмо къ родительницѣ. Это было пополудни въ 4-мъ часу, въ сіе время нашла туча и сдѣлалось очень темно. Государь приказалъ подать камердинеру свѣчки; между тѣмъ, какъ небо прояснилось, сдѣлалось попрежнему свѣтло и солнце, камердинеръ осмѣлился подойти и доложить: Не прикажете ли, ваше величество, свѣчи принять? Государь спросилъ: Для чего?—Для того, государь, что по русски со свѣчьми днемъ писать не хорошо.—Развѣ въ этомъ что заключается? Скажи правду, вѣрно ты думаешь сказать, что, видѣвъ съ улицы свѣчи,

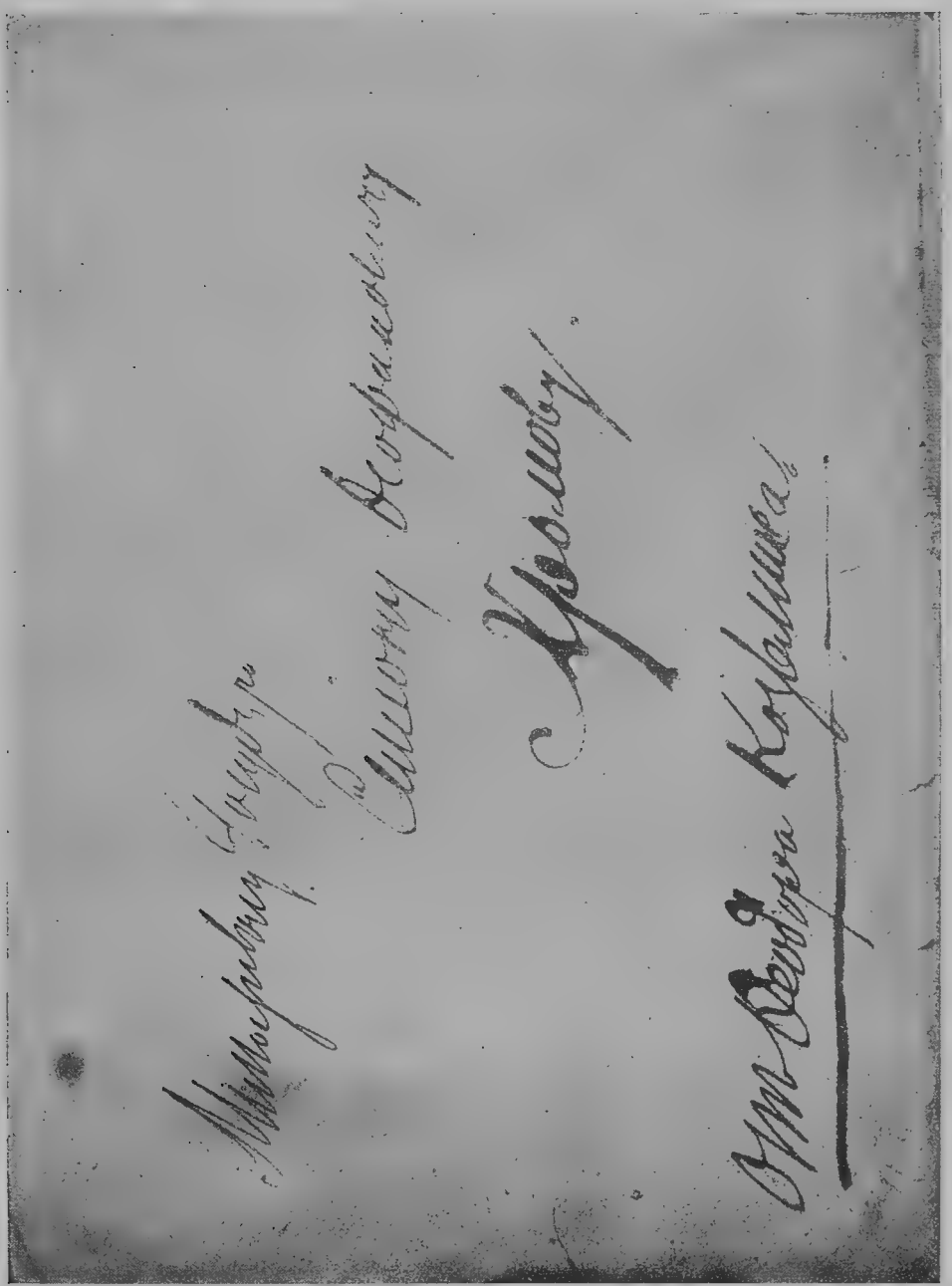
[1]) Въ 1899 г. мнѣ было поручено привезти въ Петербургъ тѣло наслѣдника великаго князя Георгія Александровича, скончавшагося 28 іюня того года въ Абастуманѣ. Протоколъ о вскрытіи тѣла подписанъ былъ мною, врачами и тифлисскимъ губернаторомъ Свѣчинымъ; когда же внутренности покойнаго великаго князя были замуравлены въ Абастуманской церкви, то протоколъ объ этомъ былъ подписанъ только мною однимъ. Такого рода акты лишь простая формальность и только.

[2]) «Выписка изъ письма, полученнаго въ С.-Петербургѣ отъ управляющаго Демидовскою конторою въ Таганрогѣ о свѣдѣніяхъ, имъ полученныхъ отъ камердинера Ѳедорова и кучера Ильи».

подумаютъ, что здѣсь покойникъ?—Такъ, государь, по замѣчанію русскихъ. — Ну, когда такъ, сказалъ государь, то возьми свѣчи. На другой день, то есть 20 октября, любезнѣйшій нашъ монархъ изволилъ выѣхать въ Крымъ, не ѣздить туда упрашивали государыня и князь Волконской, но государь далъ слово графу Воронцову быть тамъ и желалъ непремѣнно исполнить свое обѣщаніе; въ бытность же свою тамъ жестоко простудился, что самое весьма долго отъ всѣхъ скрывалъ, и на возвратномъ уже пути, за 250 верстъ отъ Таганрога, въ городѣ Орѣховѣ, примѣтили его болѣзнь, гдѣ докторъ Вилліе предлагалъ его величеству принять лѣкарства, но государь не согласился; потомъ, доѣхавъ до Маріуполя, сдѣлался очень боленъ; ознобъ и жаръ усилился, но для спасенія его величеству не угодно было ничего принимать изъ латынской кухни, какъ самъ государь называлъ дорожную свою аптеку; пріѣхавъ въ Таганрогъ 5 числа ноября, болѣзнь еще сильнѣе оказала злое свое дѣйствіе; въ первый вечеръ прибытія своего, когда подали свѣчи, государь изволилъ припомнить прежній свой разговоръ съ камердинеромъ, сказалъ ему: Ѳедоровъ, я очень нездоровъ.—Государь, надобно пользоваться.—Государь отвѣчалъ: Нѣтъ, братъ, припомни нашъ прежній разговоръ.—Камердинеръ залился слезами. Государь, замѣтивъ то, сказалъ: Свѣчи, которыя я приказалъ тебѣ убрать со стола, у меня изъ головы не выходятъ. Это значитъ мнѣ умереть, кои будутъ стоять передъ мной.—Ваше величество, что вы изволите говорить, избави насъ Богъ отъ такого несчастія;—чѣмъ и прекратился разговоръ. Болѣзнь время отъ времени увеличивалась, и всѣ просьбы медиковъ оставались тщетны, но наконецъ государь, видя свою слабость, 18 сего же мѣсяца, въ воскресенье, изволилъ изъявить свое высочайшее согласіе на приглашеніе здѣшняго собора протоіерея, дабы исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ Христовыхъ.

«Смиреніе, кротость, усердіе и твердость въ христіанской религіи, какъ и непреложное упованіе на милосердіе Божіе государя императора были совершенно необыкновенныя. Онъ духовному отцу своему сказалъ предъ исповѣдью: «Прошу садиться, вы со мною поступайте, какъ съ христіаниномъ, забудьте мое величество». Сей день, по приказанію государыни, протоіерей едва могъ упросить его величество начать пользоваться отъ доктора; но сіе уже было поздно—были приложены мушки, горчица и припущены піявки, но все сіе не произвело нисколько желаемаго дѣйствія, во внутренность же монарху никакихъ лѣкарствъ принять было не угодно. Единственное и всегдашнее его отрицаніе было: Такъ Богу угодно. 16 числа до самой кончины видѣли только страданія и терпѣливость государя. Онъ не могъ уже говорить. Начальная болѣзнь его величества были обмороки и тяжкій сонъ, потомъ сильнѣйшій во всемъ тѣлѣ жаръ, который навѣкъ лишилъ насъ добраго,

кроткаго и милосердаго царя. Твердость и великость духа государыни Всевышній Творецъ подкрѣпилъ. Она полторы сутки находилась при императорѣ; за часъ до кончины, государь, открывъ



Конвертъ съ адресомъ, писаннымъ Ѳедоромъ Козьмичемъ.

глаза и видя около себя предстоящихъ любезнѣйшую царицу, барона Дибича, князя Волконскаго и прочихъ особъ, не могъ говорить, но память еще имѣлъ; сдѣлалъ движеніе рукою, звалъ

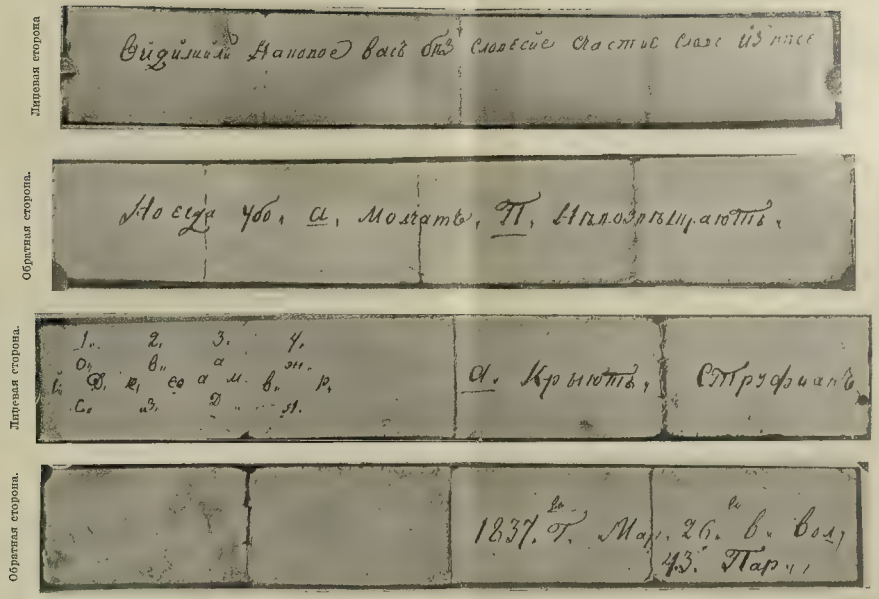
государыню, которая къ нему подошла. Государь взялъ въ послѣдній разъ ея руку, поцѣловалъ и, прижавъ потомъ къ сердцу, навѣки съ нею простился, послѣ чего въ скорости въ безмолвной глубокой тишинѣ отдалъ духъ Всевышнему. Наконецъ, на исходѣ души великаго своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязавъ ему платкомъ подбородокъ, залившись слезами, получила сильный обморокъ. Немедленно вынесли ее въ другую комнату».

Почти всѣ эти документы сходятся, даже въ подробностяхъ, о ходѣ болѣзни и о самой кончинѣ государя, нигдѣ не встрѣчается и тѣни намека на возможность исчезновенія больного монарха или подозрѣнія въ сходствѣ покойнаго государя съ другимъ лицомъ, когда тѣло усопшаго было положено въ гробъ и совершались ежедневныя панихиды. Наконецъ существуютъ письма императрицы Елисаветы Алексѣевны къ своей матери, маркграфинѣ Баденской, гдѣ повѣствуется въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ о послѣднихъ дняхъ жизни ея супруга и подробностяхъ его кончины. Такія же свѣдѣнія сохранились въ отрывкѣ изъ записокъ императрицы, оригиналъ которыхъ находится въ архивѣ собственной Его Величества библіотеки въ Зимнемъ дворцѣ. Вотъ что записала Елисавета Алексѣевна:

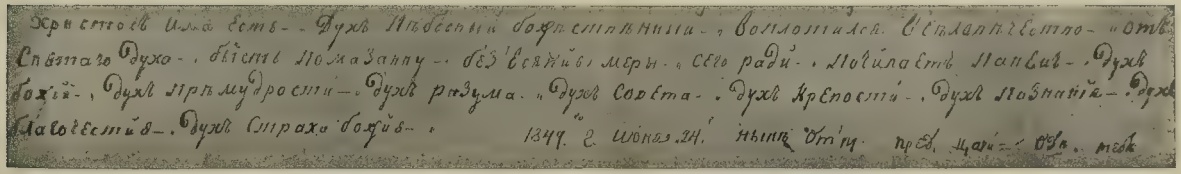
«Il revint de son voyage en Crimée Jeudi 5 Nov. vers sept heures du soir *). Comme il tardait plus qu'à l'ordinaire à entrer chez moi, l'idée me vint, qu'il pouvait être arrivé malportant; j'eprouvai une angoisse et une tristesse vague et en voyant les lampions dont on avait illuminé la rue, comme lorsqu'il revint de Tcherkask, je me dis avec tristesse: «il partira bien encore une fois d'ici, mais il ne reviendra plus». Lorsqu'il entra, ma premiére question fut: «Vous portez Vous bien?» Il me dit que non, qu'il avait la fièvre depuis deux jours, qu'il croyait avoir gangé la fièvre de Crimée. Je le fis asseoir, il brulait, il me dit que le colonel Salomka et le domestique Евстифѣевъ en avait aussi été atteints. Il en attribuait la cause pour lui

*) *Переводъ:* «Онъ вернулся изъ своего путешествія въ Крымъ въ четвергъ, 5 ноября, около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ, противъ обыкновенія, запоздалъ придти ко мнѣ, мнѣ пришла мысль, что онъ могъ пріѣхать больной. Я почувствовала смутную тоску и грусть и, увидя плошки, которыя иллюминовали улицу такъ же, какъ при его возвращеніи изъ Черкасска, я сказала себѣ съ грустью: «онъ навѣрно уѣдетъ отсюда еще разъ, но не вернется больше».

Когда онъ вошелъ, моимъ первымъ вопросомъ было: «Здоровы ли вы?» Онъ сказалъ, что нездоровъ, что у него уже второй день лихорадка и онъ думаетъ, что схватилъ крымскую лихорадку. Я его усадила; у него былъ жаръ. Онъ мнѣ сказалъ, что полковникъ Соломко и лакей Евстифѣевъ заражены ею тоже. Онъ приписывалъ причину своей болѣзни кислому сиропу изъ барбариса, который онъ пилъ въ Бахчисараѣ, когда у него была сильная жажда. Онъ думалъ, что этотъ напитокъ причинилъ



«ТАЙНА» ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА.



«КОПІЯ СЪ ОСТАВЛЕННОЙ ЗАПИСИ ВЕЛИКАГО СТАРЦА ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА».

même à un syrop d'épine-vinette aigri qu'il avait bu à Bachtschisarai, ayant très soif; il croyait que cette boisson lui ayant donné un cours de ventre et ce mal l'ayant affaibli, il était devenu par là plus suceptible de prendre la fièvre. Il dit qu'après le premier accès il n'avait pas prévenu Wylie, mais qu'il ne l'avait fait chercher qu'au second, qu'il lui avait donné un punch et que dans la journée courante il n'avait pas de frisson; il se fit apporter du thé avec du citron, et lorsqu'on annonça Wylie, il le fit entrer pour lui dire qu'il se sentait assez bien et qu'il n'avait pas eu de frisson, mais il avait beaucoup de chaleur. Je l'engageai sans peine à aller se coucher de bonne heure après avoir causé cependant une bonne demie heure sur son voyage — en sortant, en me disant le bonsoir, il ajouta: «je suis charmé de vous avoir revue»; en recevant la nouvelle de la mort du R. de Bav.[1]) il m'écrivit, qu'il était inquiet de l'effet qu'il produisait sur moi et qu'il ne serait tranquille que lorsqu'il m'aurait revue.

«Vendredi 6 il me fit dire le matin, qu'il avait très bien passé la nuit. Il vint chez moi vers 11 h. Il était jaune et n'avait pas bonne mine—il avait l'air souffrant. Il s'assit, je lui montrai ses lettres qu'il avait desiré voir la veille, nous parlames de ce qu'il s'était passé pendant son absence;—lorsqu'il me quitta je lui demandai, s'il lui convenait que nous dinions ensemble et si cela ne le gênerait pas—«Cela me convient très fort», rèpondit il. Losrqu'il vint pour diner, je lui trouvai encore plus mauvaise mine que le matin. Il m'a dit, qu'il me demandait à se lever de table lorsqu'il aurait fini son

---

ему поносъ, который его такъ ослабилъ, что онъ сталъ болѣе воспріимчивъ къ лихорадкѣ. Онъ говорилъ, что послѣ перваго приступа не предупредилъ Вилліе и что онъ послалъ за нимъ только послѣ второго. Тотъ далъ ему пуншъ и въ теченіе дня озноба не было. Онъ велѣлъ принести себѣ чаю съ лимономъ и, когда доложили о Вилліе, онъ пригласилъ его войти, чтобы сказать ему, что онъ себя чувствуетъ довольно хорошо и что его не знобитъ, но у него жаръ. Я безъ труда уговорила его идти раньше спать, хотя онъ болѣе получаса разсказывалъ о своемъ путешествіи. Уходя и пожелавъ мнѣ добраго вечера, онъ прибавилъ: «я очень радъ, что видѣлъ васъ». Получивъ извѣстіе о смерти короля Баваріи, онъ мнѣ писалъ, что его безпокоитъ, какое дѣйствіе произвело оно на меня, и что онъ не успокоится, пока меня не увидитъ.

Въ пятницу, 6-го, утромъ, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 час.; онъ былъ желтъ, имѣлъ дурной видъ и казался больнымъ. Онъ сѣлъ, я ему показала письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ; мы разговаривали о томъ, что произошло во время его отсутствія. Когда онъ отъ меня уходилъ, я его спросила, можетъ ли онъ со мной обѣдать и не стѣснитъ ли это его. «Это для меня очень удобно», отвѣчалъ онъ. Когда онъ пришелъ къ обѣду, я нашла его видъ еще хуже, чѣмъ утромъ. Онъ мнѣ сказалъ,

---

[1]) Maximilien I—Joseph, Roi de Bavière, beau-frère de l'Imperatrice Elisabeth, † le 13 oct. 1825.

même à un syrop d'épine-vinette aigri qu'il avait bu à Bachtschisarai, ayant très soif; il croyait que cette boisson lui ayant donné un cours de ventre et ce mal l'ayant affaibli, il était devenu par là plus suceptible de prendre la fièvre. Il dit qu'après le premier accès il n'avait pas prévenu Wylie, mais qu'il ne l'avait fait chercher qu'au second, qu'il lui avait donné un punch et que dans la journée courante il n'avait pas de frisson; il se fit apporter du thé avec du citron, et lorsqu'on annonça Wylie, il le fit entrer pour lui dire qu'il se sentait assez bien et qu'il n'avait pas eu de frisson, mais il avait beaucoup de chaleur. Je l'engageai sans peine à aller se coucher de bonne heure après avoir causé cependant une bonne demie heure sur son voyage — en sortant, en me disant le bonsoir, il ajouta: «je suis charmé de vous avoir revue»; en recevant la nouvelle de la mort du R. de Bav.[1]) il m'écrivit, qu'il était inquiet de l'effet qu'il produisait sur moi et qu'il ne serait tranquille que lorsqu'il m'aurait revue.

«Vendredi 6 il me fit dire le matin, qu'il avait très bien passé la nuit. Il vint chez moi vers 11 h. Il était jaune et n'avait pas bonne mine—il avait l'air souffrant. Il s'assit, je lui montrai ses lettres qu'il avait desiré voir la veille, nous parlames de ce qu'il s'était passé pendant son absence;—lorsqu'il me quitta je lui demandai, s'il lui convenait que nous dinions ensemble et si cela ne le gênerait pas—«Cela me convient très fort», rèpondit il. Losrqu'il vint pour diner, je lui trouvai encore plus mauvaise mine que le matin. Il m'a dit, qu'il me demandait à se lever de table lorsqu'il aurait fini son

---

ему поносъ, который его такъ ослабилъ, что онъ сталъ болѣе воспріимчивъ къ лихорадкѣ. Онъ говорилъ, что послѣ перваго приступа не предупредилъ Вилліе и что онъ послалъ за нимъ только послѣ второго. Тотъ далъ ему пуншъ и въ теченіе дня озноба не было. Онъ велѣлъ принести себѣ чаю съ лимономъ и, когда доложили о Вилліе, онъ пригласилъ его войти, чтобы сказать ему, что онъ себя чувствуетъ довольно хорошо и что его не знобитъ, но у него жаръ. Я безъ труда уговорила его идти раньше спать, хотя онъ болѣе получаса разсказывалъ о своемъ путешествіи. Уходя и пожелавъ мнѣ добраго вечера, онъ прибавилъ: «я очень радъ, что видѣлъ васъ». Получивъ извѣстіе о смерти короля Баваріи, онъ мнѣ писалъ, что его безпокоитъ, какое дѣйствіе произвело оно на меня, и что онъ не успокоится, пока меня не увидитъ.

Въ пятницу, 6-го, утромъ, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 час.; онъ былъ желтъ, имѣлъ дурной видъ и казался больнымъ. Онъ сѣлъ, я ему показала письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ; мы разговаривали о томъ, что произошло во время его отсутствія. Когда онъ отъ меня уходилъ, я его спросила, можетъ ли онъ со мной обѣдать и не стѣснитъ ли это его. «Это для меня очень удобно», отвѣчалъ онъ. Когда онъ пришелъ къ обѣду, я нашла его видъ еще хуже, чѣмъ утромъ. Онъ мнѣ сказалъ,

---

[1]) Maximilien I—Joseph, Roi de Bavière, beau-frère de l'Imperatrice Elisabeth, † le 13 oct. 1825.

maigre diner, parcequ'il avait chez lui une pelisse dans laquelle il s'enveloppait. On lui servit une soupe au gruau, il en mangea et dit «j'ai plus d'appetit que je ne croyai», ensuite de la gelée au citron il ne fit que gouter et dit au Maître d'hotel, qu'il faisait les gelées trop sucrés. Il se leva de table. Vers 4 h. il me fit chercher; je le trouvai sur un canapé, il me dit qu'en rentrant chez lui, il s'était couché et avait sommeillé, qu'ensuite il avait voulu travailler, mais qu'il en avait été si fatigué qu'il avait du quitter sa table, et qu'il voulait reposer, il me dit de prendre mon livre. Il resta ainsi quelque temps sans parler ni dormir. Nous nous rappelions que nous étions à la veille de l'anniversaire de l'inondation et dimes que nous espérions que cette année finirait heureusement sous ce rapport,— je ne sais quoi de triste et de calamiteux pesait cependant sur moi. Il fit apporter de la lumière de bonne heure, voyant que je n'y verrais plus pour lire;—à cinq h. Feodoroff annonça Wylie; il eut de la peine à l'entendre parceque son ouie était devenue singulièrement dure, il s'en appercevait lui même et disait que cela provenait de la fièvre et qu'il avait eu la même chose pendant les premiers jours de son Erisipèle. Il reprocha à son valet de ch.—de parler plus bas que de coutume, tandis que lui entendait plus mal que de coutume. Il fit entrer Wylie; — il dit à Wylie aussi de parler plus haut: «je n'entends rien du tout», dit-il,—«as dief as pots, comme dit Parland», ajoutait-il gaiement. Wylie lui parla de prendre medecine, il s'y refusa longtemps, Wylie voulait que cela soit sur le champ et il s'en deffendait, promettant qu'il prendrait le lendemain matin

---

что просить позволенія встать изъ-за стола тотчасъ же, какъ кончитъ свой скудный обѣдъ, потому что у себя онъ закутывается въ шубу. Ему подали супъ съ крупой; онъ его съѣлъ и сказалъ: «у меня болѣе аппетита, чѣмъ я думалъ», затѣмъ подали лимонное желе, которое онъ только попробовалъ и сказалъ метрдотелю, что онъ дѣлаетъ желе слишкомъ сладкимъ. Онъ всталъ изъ-за стола. Около 4 часовъ прислалъ за мной; я его нашла на диванѣ; онъ мнѣ сказалъ, что, войдя къ себѣ, онъ легъ и заснулъ, затѣмъ онъ хотѣлъ работать, но такъ утомился, что всталъ изъ-за стола и хотѣлъ отдохнуть и попросилъ меня взять мою книгу. Такъ онъ оставался нѣкоторое время молча, но не спалъ. Мы вспомнили, что мы наканунѣ годовщины наводненія и высказали надежду, что этотъ годъ, въ отношеніи наводненія, кончится счастливѣе. Между тѣмъ чувства какой-то тоски и несчастія давили меня. Онъ велѣлъ принести огня раньше, видя, что мнѣ трудно читать. Въ 5 часовъ Ѳедоровъ доложилъ о Вилліе. Онъ едва услыхалъ, такъ какъ его слухъ сталъ особенно тугъ. Онъ замѣтилъ это самъ, но приписалъ это лихорадкѣ и говорилъ, что у него было то же самое въ первые дни, когда онъ болѣлъ рожей. Онъ упрекалъ своего камердинера, что тотъ говоритъ тише, чѣмъ обыкновенно, тогда какъ самъ слышалъ хуже, чѣмъ всегда. Онъ велѣлъ позвать Вилліе и просилъ его также говорить громче. «Я ничего не слышу», сказалъ онъ,—«as dief as pots, какъ говоритъ Парландъ», весело прибавилъ онъ. Вилліе попросилъ его принять лѣкарство, онъ долго отказывался. Вилліе хотѣлъ, чтобы онъ принялъ тотчасъ же. Онъ же отго-

aussitot qu'on voudrait, tandis qu'en prenant le soir cela troublerait sa nuit, qu'il esperait demain être aussi que la précédente. Wylie assura que l'effet serait passé avant la nuit, il suppliait, et moi derriere Wylie de mes regards je suppliais aussi; il me dit enfin: «Vous penchez pour l'opinion de Wylie?» Je fit signe qu'oui.—«Allons fort bien», et Wylie alla arranger ses pillules. Elles arrivèrent au bout d'une demie heure, Wylie les portait, le Pr. Wol. entra en même temps—deux manquaient, elles s'etaient échappées dans la manche où on les retrouva et on plaisanta sur cet escamotage; nous restames seuls encore jusque vers sept h.—Il me dit alors de le quitter parceque l'effet de la medecine approchait. Je lui dis: «je Vous reverrai?» «Oui ce soir»;— cependant comme après neuf h. il ne m'avait pas fait chercher, je fis appeler Wylie qui me dit que la medecine avait fait un bon effet et qu'il s'etait endormi après et dormait encore. Wylie se mit à causer très gaiement, enfin je le chargeais de lui dire, s'il le voyait à son reveil, que comme il etait tard, j'alais me coucher, et dis le bon soir à Wylie.—En effet il dore mit sur le canapé jusqu'à minuit et ne se réveilla que pour se mettr au lit.—Samedi 7 il vint chez moi entre 11 et midi. Il me dit, qu'i, se sentait mieux, il me dit: «hier, lorsque j'etais assis là, j'eprouvail un extrême malaise—et le soir, lorsque je vous ai dit de me quitters parceque la medecine allait faire effet, ce n'etait pas tant par cette raison, car l'effet n'est venu que 20 minutes après, mais parceque j'avais de telle angoisse de malaise, que j'avais honte qu'on me vit dans cet etat: je ne savais où me mettre, et convint que les pillules

---

варивался, обѣщая принять на другой день утромъ, тотчасъ, какъ захотятъ ему дать. Если же принять сегодня вечеромъ, то это прерветъ его сонъ, тогда какъ онъ надѣется спать, какъ прошлую ночь. Виллiе увѣрялъ, что дѣйствiе будетъ до ночи, и упрашивалъ принять. Я сзади Виллiе глазами умоляла о томъ же. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ: «Вы соглашаетесь съ мнѣнiемъ Виллiе?» Я сказала: «да». «Ну, хорошо», сказалъ онъ, и Виллiе пошелъ дѣлать пилюли. Онѣ были готовы черезъ полчаса; Виллiе ихъ несъ, въ это время вошелъ кн. Волконскiй. Двухъ пилюль не хватало, онѣ скрылись въ рукавѣ, гдѣ ихъ нашли, и шутили надъ искуснымъ похищенiемъ. Мы оставались одни до 7 час. вечера, когда онъ мнѣ сказалъ, чтобы я его оставила, такъ какъ приближается дѣйствiе лѣкарства. Я ему сказала: «Я васъ увижу?» — «Да, сегодня вечеромъ». Но такъ какъ онъ не присылалъ за мной и позже 9 ч. веч., я велѣла позвать Виллiе, который мнѣ сказалъ, что лѣкарство хорошо подѣйствовало и что онъ послѣ заснулъ и еще спитъ. Виллiе началъ весело болтать, наконецъ я ему поручила сказать ему, если онъ его увидитъ по пробужденiи, что поздно и я легла спать; затѣмъ я простилась съ Виллiе. Дѣйствительно, онъ спалъ на диванѣ до полуночи и проснулся только, чтобы перейти въ кровать. Въ субботу 7-го онъ пришелъ ко мнѣ между 11 и 12 часами и сказалъ мнѣ, что онъ себя чувствуетъ лучше: вчера чувствовалъ особенную тяжесть, а вечеромъ, когда просилъ меня его оставить, то говорилъ это, не только ожидая дѣйствiя лекарства, оно было только черезъ 20 мин., но потому еще, что чувствовалъ какое-то тоскливое безпокойство. «Мнѣ было бы

lui avaient fait du bien»; il etait toujours jaune, mais plus gai. Nous nous occupames des coquilles, que j'avais ramassées; ensuite il me dit que je devais aller promener et que lui irait travailler. Je l'engageai, à ne pas tant travailler que cela lui avait fait du mal la veille. Il me repondit: «cela est devenu tellement habitude pour moi, que je ne peux plus m'en passer et que j'ai du vague dans la tête, lorsque je ne fais rien; si je quittais ma place il me faudrait dévorer des bibliothèques entières sans quoi je deviendrais fou». Lorsque je fus rentrée il m'ecrivit un billet le dernier pour me proposer de venir assister à son diner.—J'accouru. Il mangea de la soupe au gruau et du gruau sec avec du bouillon. Il avait continué une medecine purgative; après son petit diner il marcha par la chambre et s'arrêta à une de ses commodes et arrangea des paquets d'affaires à expédier, mais au bout de quelque temps il me dit: «il faudra que vous me quittiez bientôt parceque ma medecine travaille, mon estomac ne peut plus rien garder». Il m'envoya diner. Entre 3 et 4 h. il vint chez moi et me trouva couchée sur ce canapé, qu'il s'etait plu à arranger pour moi, et dont j'avais fait mon lit aussi. Je lui dit que c'est lui qui devrait être couché et non pas moi et l'engageai à se coucher, il hesita un moment, ensuite il dit qu'il irait se coucher chez lui tantôt. Nous causames un peu. Ensuite il se leva et dit «j'étais venu voir pourquoi Vous n'êtes pas allée promener, cet après diner il fait si beau». Je lui dis que j'avais prit l'air à la fenêtre et que j'avais eu deux plaisirs: celui d'entendre la mer et d'écouter le son de la belle

---

стыдно, если бъ меня увидѣли въ этомъ состояніи: я не зналъ, куда дѣваться». Онъ сознался, что пилюли ему помогли. Онъ былъ попрежнему желтъ, но болѣе веселъ. Мы занялись раковинами, которыя я собрала; затѣмъ онъ сказалъ, чтобы я шла гулять, а онъ будетъ заниматься. Я уговаривала его меньше работать, потому что вчера ему изъ-за этого стало плохо. Онъ отвѣчалъ: «Работа настолько сдѣлалась моей привычкой, что я не могу безъ нея обойтись, и если я ничего не дѣлаю, то чувствую пустоту въ головѣ. Если бы я покинулъ свое мѣсто, я долженъ былъ бы поглощать цѣлыя библіотеки—иначе я бы сошелъ съ ума». Когда я вернулась съ прогулки, онъ мнѣ прислалъ послѣднюю записку, предлагая мнѣ присутствовать за его обѣдомъ. Я прибѣжала. Онъ кушалъ супъ съ крупой и сухую кашу съ бульономъ. Онъ продолжалъ принимать слабительное; послѣ своего скромнаго обѣда онъ походилъ по комнатѣ и остановился у одного изъ комодовъ, гдѣ привелъ въ порядокъ пакеты, готовые къ отправкѣ, но, черезъ нѣкоторое время, онъ мнѣ сказалъ: «Вамъ придется скоро меня оставить, потому что мое лѣкарство дѣйствуетъ, мой желудокъ не можетъ ничего больше держать». Онъ послалъ меня обѣдать. Между 3 и 4 часами онъ пришелъ ко мнѣ и нашелъ меня лежащей на томъ диванѣ, который онъ устраивалъ для меня и изъ котораго я себѣ сдѣлала кровать. Я ему сказала, что скорѣе ему слѣдуетъ лежать, нежели мнѣ, и уговаривала его лечь. Съ минуту онъ поколебался, затѣмъ сказалъ, что сейчасъ пойдетъ спать къ себѣ. Мы немного поговорили. Онъ всталъ и сказалъ: «я пришелъ узнать,

cloche de l'Eglise grecque de Const. et Hélène; je lui depeignis la beauté du son de cette cloche avec tant de chaleur, qu'il me dit en souriant: «Vous verrez que Vous Vous plairez tant ici que Vous aurez de la peine à en partir». Environ sept h. il me fit chercher. Je le trouvai deshabillé en robe de chambre couché sur son canapé.—«Qu'est ce que c'est?» lui dis-je;—il me dit que sa medecine l'avait travaillé jusqu'à lui donner des extrémitées froides et mal au ventre, qu'il avait mis une ceinture de flanelle et que Wylie lui avait fait prendre une tasse de thé et qu'il se sentait bien. Il était gai, je lui avais apporté le dessin et le plan que Charlemagne avait fait de notre Maison pour être envoyé à l'Imp. Mère, il l'examina ainsi que l'explication que j'en avais fait par ecrit approuva et critiqua en ordonna des corrections. Il dit: «cela fera plaisir à ma Mère, elle le montrera à un tel ou tel autre». Je lui avais apporté aussi les journaux de modes arrivés pendant son absence, il etait de bonne humeur, mieux que la veille et causa beaucoup, je lui racontai l'effet qu'avait fait le clavecin du colonel Friederichs sur les Kalmouks. Il rit—et dit: «eh bien, Vous pouvez Vous donner ce plaisir quand ils viendront prendre congé de vous, dites leur que vous avez apprit qu'ils aimaient la musique et jouez leur quelque chose». Nous trouvames ensuite, que ce serait contraire à ma dignité à leur yeux, mais il m'engagea à faire jouer le P-ce Wolkonsky pour produire le même effet de joie sur eux, qu'ils avaient exprimés chez le colonel Friederichs.— A neuf h. Wylie et le Pr. Wolk. entrèrent. Wylie demanda, comment

---

почему вы не пошли гулять, послѣ обѣда была такая хорошая погода». Я ему сказала, что дышала воздухомъ у окна и что у меня было два удовольствія: слушать шумъ моря и звонъ прекраснаго колокола изъ греческой церкви Константина и Елены. Я описывала ему съ такимъ жаромъ красоту звуковъ этого колокола, что онъ мнѣ сказалъ, улыбаясь «Вы увидите, вамъ такъ тутъ понравится, что вамъ будетъ трудно уѣзжать». Около 7 часовъ онъ прислалъ за мной. Я нашла его раздѣтымъ, въ домашнемъ костюмѣ, и лежащимъ на диванѣ. «Что съ вами?» спросила я. Онъ мнѣ сказалъ, что лѣкарство на него подѣйствовало до боли въ желудкѣ, что онъ надѣлъ фланелевый поясъ и что Виллiе далъ ему чаю и теперь онъ чувствуетъ себя хорошо. Онъ былъ веселъ, я принесла ему рисунокъ и планъ, который Шарлемань сдѣлалъ съ нашего дома, чтобы послать императрицѣ матери. Онъ просмотрѣлъ его, а также и объясненія, которыя я сдѣлала письменно, одобрялъ или критиковалъ и дѣлалъ поправки. Онъ сказалъ: «это доставитъ удовольствіе моей матери, она покажетъ этотъ планъ тому или другому». Я ему принесла также модные журналы, присланные во время его отсутствія. Онъ былъ въ духѣ, еще веселѣе, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ. Я ему разсказала о впечатлѣніи, которое сдѣлали клавесины полковника Фредериксъ на калмыковъ. Онъ смѣялся и сказалъ: «Ну, хорошо, вы можете доставить себѣ это удовольствіе, когда они придутъ съ вами прощаться. Скажите имъ, что вы узнали, что они любятъ музыку, и сыграйте имъ что-нибудь». Но затѣмъ мы рѣшили, что это въ ихъ глазахъ будетъ несогласно съ

il se trouvait, il disait «bien», cependant Wylie lui trouva de la chaleur; et lui dit que surement il avait encore trop travaillé cet après-diner.—«C'est un besoin, cela me calme», répondit-il. Le Pr. Wolk. parla du Bal au club qu'on ne croyait pas donner le lendemain, parcequ'il avait deuil à la cour.—Il leva toute objection. G-al Dibitch entra,—il ordonna encore en sa prèsence les corrections à faire au dessin.—Ces messieurs sortirent, nous restames seuls,—au bout de quelque temps il me dit le bonsoir et se souleva encore, afin que je puisse mieux l'embrasser avec ma roideur dans la nuque.

«Dimanche 8, il me fit appeler avant que j'aille à la Messe. Il dit avoir eu de la chaleur dant la nuit, cependant il etat habillé, au bout de quelque temps je sortis pour aller à la Messe et revins chez lui après. «Il fait trop mauvais temps pour que Vous sortiez», me dit il (il y aura une tempête); j'acquiesçai avec plaisir.—Il parla pour la seconde fois déjà depuis son retour du Diacon de Tcherkask. Nous parlames de ce qu'on avait fait dans la ville pendant son absence et, suivant ses intentions, pour embellir la ville,—je dis qu'on avait travaillé avec zêle. «Ce sont de bien braves gens», dit-il. Après avoir resté quelque temps, il me dit de le quitter. Il me fit chercher de nouveau, pour assister à son diner,—c'était un verre d'eau pommée avec du jus de groseilles noires,—il fit cependant le signe de croix avant de boire, comme s'il se mettait à table et après avoir bu la moitié il le trouva bon et fit chercher Wylie, pour lui demander s'il fallait conserver la moitié pour son souper, ou s'il pourrait avoir un second verre.—Wylie dit que s'il voulait on lui

---

моимъ достоинствомъ, и онъ посовѣтовалъ мнѣ попросить сыграть князя Волконскаго, чтобы вызвать у нихъ то же радостное впечатлѣніе, которое они испытали у полковника Фредериксъ. Въ 9 час. вошли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сказалъ: «хорошо». Между тѣмъ Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что навѣрно онъ слишкомъ много работалъ послѣ обѣда. «Это необходимость и это меня успокаиваетъ», отвѣчалъ онъ. Князь Волконскій сказалъ, что назначенный на завтра въ клубѣ балъ отмѣняется изъ-за траура при Дворѣ. Онъ возражалъ. Вошелъ генералъ Дибичъ. Еще въ его присутствіи онъ приказалъ сдѣлать нѣкоторыя поправки въ рисункѣ дома. Когда эти господа ушли и мы остались одни, онъ вскорѣ пожелалъ мнѣ доброй ночи и поднялся, чтобы я могла его поцѣловать въ затылокъ. Въ воскресенье, 8-го, онъ велѣлъ меня позвать раньше, чѣмъ я пошла къ обѣднѣ. Онъ сказалъ, что ночью у него былъ жаръ, между тѣмъ онъ былъ одѣтъ. Вскорѣ я пошла къ обѣднѣ, а послѣ вернулась къ нему. «Погода слишкомъ дурна для вашей прогулки», сказалъ онъ (будетъ буря), я согласилась съ удовольствіемъ. Онъ разсказывалъ, уже второй разъ по своемъ возвращеніи, о дьяконѣ изъ Черкасска. Мы говорили о томъ, что дѣлалось въ городѣ во время его отсутствія и что дѣлалось согласно его намѣреніямъ для украшенія города. Я сказала, что работали съ усердіемъ. «Это славные люди!» сказалъ онъ. Немного спустя онъ меня попросилъ оставить его. И послалъ за мной снова, чтобы я присутствовала за его обѣдомъ. Обѣдъ состоялъ

donnerait le soir un autre verre du même. Il me dit alors que cette boisson était juste ce qu'il lui fallait, qu'il s'en était trouvé une provision par hasard chez le Pr. Wol. à qui sa soeur l'avait donnée et qu'elle l'avait reçue en route d'un monsieur de sa connaissance, et qu'il avait toujours entendu dire que c'était une très bonne chose dans cette maladie. — Vers deux heures il m'envoya diner, entre 5 et 6 il me fit chercher et dit qu'il allait expédier un courier à Petersb. et me donna des directions sur cela. Il avait l'air très souffrant; il avait de la chaleur en soffroit de la tête, j'allai les remplir— je lui en rapportai le resultat; il me dit: «c'est très bien envoyez Vos paquets au G-al Dibitch et quand Vous aurez finis, revenez». Je revins environ à sept h.—il était mieux; je lui avais apporté des journaux la veille (arrivés pendant son absence) qui l'avaient amusé, il me dit de lui en apporter la continuation; je lui dis: «tantôt Vous aviez l'air si souffrant que vous me fesier mal à voir, Vous paraissez mieux à prèsent?» «Oui, je me sens mieux», me dit-il;—au bout de quelque temps il recomenca à lire les journaux, je lisais de mon coté.—Ensuite il s'arrangea pour dormir et se coucha avec un air de bien-être, qui fesait plaisir à voir— il souriait et s'endormit;—il dormit de la sorte près de deux heures avec la respiration la plus calme, la plus douce; il ne se reveilla qu'une seule fois, regarda autour de lui avec une certaine mine que je croyais de la gaieté et que j'ai retrouvé plus tard dans des moments affreux! et se rendormit en souriant;—le valet de chambre entra pour annoncer Wylie, mais il dormait si bien qu'on ne le re-

---

изъ стакана яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины. Передъ тѣмъ, какъ пить, онъ перекрестился, какъ будто бы садился обѣдать. Отпилъ половину, ему понравилось, и онъ послалъ за Вилліе, чтобы спросить, оставить ли половину на ужинъ, или тогда ему дадутъ второй стаканъ. Вилліе сказалъ, что если онъ хочетъ, то ему дадутъ еще стаканъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что это какъ разъ то, что ему нужно, что онъ случайно нашелъ запасъ этого питья у князя Волконскаго, получившаго его отъ своей сестры, а та, въ свою очередь, получила въ дорогѣ отъ своего знакомаго. Онъ слышалъ, что это питье очень полезно при этой болѣзни. Около 2 час. онъ меня послалъ обѣдать, между 5 и 6 часами прислалъ за мной и сказалъ, что посылаетъ въ Петербургъ курьера, и далъ мнѣ для этого распоряженія. У него былъ очень больной видъ, былъ жаръ въ головѣ. Я пошла исполнить его распоряженія и сообщила о сдѣланномъ. Онъ сказалъ: «Хорошо, отошлите ваши пакеты генералу Дибичу и, когда вы кончите, возвращайтесь». Я вернулась около 7 час., ему было лучше. Я ему принесла вчерашнія газеты, которыя его заинтересовали, и онъ меня просилъ принести продолженіе. Я ему сказала: «Раньше у васъ былъ такой больной видъ, что мнѣ было тяжело на васъ глядѣть. Сейчасъ вы выглядите лучше».— «Да, я чувствую себя лучше», сказалъ онъ. Потомъ онъ снова началъ читать газеты, я также читала. Затѣмъ онъ приготовился спать и легъ съ такимъ хорошимъ видомъ, что пріятно было смотрѣть, улыбнулся и заснулъ. Онъ спалъ такимъ образомъ около 2 час., спокойно и сладко

veilla pas. Enfin à neuf h. il se reveilla. Wylie entra — «Comment Vous sentez Vous? Très bien, calme, frais».—Wylie dit: «Vous verrez qu'il y aura de la transpiration»; après avoir parlé quelque temps on l'engagea à se coucher.—«Je suis si bien ici», dit-il;—cependant je m'en allai, pour qu'il se coucha, il me dit encore: «reprenez les journaux, demain Vous m'apporterez ce qui reste». A six h. je fis appeler Wylie, je lui demandai s'il etait couché, il me dit qu'il n'avait pas pu l'engager à se coucher, qu'il souriait, en disant toujours: «je suis si bien ici»—que maintenant cependant il avait demandé son lit.—Dans la nuit il eut en effet une bonne et forte transpiration. — Lundi 9. Stoffregen me dit: qu'on pourrait regarder la maladie comme coupée, que si la fièvre revenait, elle prendrait une forme intermittente et qu'on en viendrait bientôt à bout. Que je pouvais donc écrire à Petersb. que la maladie n'éntait plus que du passé. Je le vis avant de sortir et puis il me fit chercher pour son diner. On lui servit une soupe à l'avoine—il dit qu'il avait veritablement de l'appetit, que c'était la premiere fois depuis le 3. Il trouva cependant la soupe trop epaisse et y mit de l'eau il la mangea avec appetit et des prunaux ensuite—il avait même envie d'en manger davantage, mais il dit: «il faut être sage».—Au bout de quelque temps il me dit d'aller diner «et moi comme un homme come il faut», dit-il, «je vais faire ma meridienne». Entre 6 et 7 h. il me fit chercher—d'apporter les journaux:—«Vous m'apportez du hochet comme à un enfant», dit-il. Il lut ce qui restait, mais il était souffrant, il avait

---

дышалъ. Онъ проснулся только одинъ разъ и посмотрѣлъ вокругъ себя съ такимъ выраженіемъ лица, которое я приняла за веселое и которое я видѣла позже, въ ужасныя минуты,—и опять заснулъ, улыбаясь. Камердинеръ вошелъ, чтобы доложить о Вилліе, но онъ спалъ такъ хорошо, что его не будили. Наконецъ въ 9 час. онъ проснулся. Вошелъ Вилліе. — «Какъ вы себя чувствуете?»—«Очень хорошо, спокоенъ и свѣжъ». Вилліе сказалъ: «Вы увидите, что будетъ испарина». Немного поговорили и уговорили его лечь спать. «Мнѣ такъ хорошо здѣсь», говорилъ онъ. Въ то время, какъ я уходила, чтобы дать ему возможность лечь, онъ мнѣ сказалъ: «Возьмите газеты, завтра принесете мнѣ остальныя». Въ 6 часовъ я велѣла позвать Вилліе и спросила его, легъ ли онъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не могъ уговорить его лечь въ кровать, что онъ улыбался и все говорилъ: «Мнѣ очень хорошо здѣсь». Но что сейчасъ онъ перешелъ въ кровать. Ночью дѣйствительно былъ хорошій, обильный потъ. Въ понедѣльникъ, 9-го, Штоффрегенъ мнѣ сказалъ, что болѣзнь можно считать пресѣченной, что если лихорадка вернется, то она приметъ перемежающуюся форму и скоро кончится, и что я могу написать въ Петербургъ, что болѣзнь проходитъ. Я видѣлась съ нимъ передъ уходомъ, и затѣмъ онъ послалъ за мной къ обѣду. Ему подали овсяный супъ, онъ сказалъ, что у него есть аппетитъ и что это въ первый разъ послѣ 3-го. Хотя онъ нашелъ супъ слишкомъ густымъ и разбавилъ водой, но съѣлъ съ аппетитомъ, а послѣ съѣлъ сливы. У него даже было желаніе съѣсть больше, но онъ сказалъ: «Нужно быть благоразумнымъ». Немного погодя,

de la chaleur. Je lisais en attendant les Mémoires de M-me de Genlis il me fit quelques questions à ce sujet. A Petersb. il m'avait dit de les prendre, parcequ'il pourrait peut-être les lire, je lui dis que c'était une lecture si frivole, qu'elle était faite pour un malade. «Demain! peut-être», dit-il. Dans la soirée il m'avait dit inopinément: «et Votre deuil (pour le roi de Bav.) pourquoi ne le porter Vous pas?» Je lui répondis que je l'avais ôte pour son arrivée, que depuis je n'avais plus eu envie de le remettre, mais que s'il le voullait, je le remettrai demain.—Mardi 10, il devait prendre medecine le matin. Stoffregen vint deux fois me donner des nouvelles de l'effet de la medecine, il me dit qu'il en avait été si affaibli, qu'il s'était trouvé mal. Je n'étais pas étonnée qu'il ne me fasse pas chercher, parceque je savais qu'il n'aimait pas a être derange par quoique ce soit pendant l'effet d'une medecine. J'allai promener, je rentrai, je finis mon diner, il ne me faisait toujours pas chercher. Il me prit des angoisses, je fis chercher Wylie. Wylie m'engagea à entrer chez lui, et je le trouvai couche dans sa chambre de toilette sur son lit, la tête très prise, il me vit cependant et me dis: «je ne vous ai pas fait chercher ce matin parcequé j'ai passé une terrible matinée grâce à cette medecine detestable, j'avais mal au coeur, un besoin continuel de me lever, j'étais si faible avec cela»; la fenêtre était ouverte, il remarqua qu'il fesait beau: «12 degrée de chaud au mois de Nov.!» dit-il à Wylie.—Mais bientôt après il retomba dans un cruel assoupissement et la respiration était mauvaise. Pour la premiere fois j'entrevis du danger. Je passai avec

---

онъ мнѣ предложилъ идти обѣдать, «а я, какъ благоразумный человѣкъ, пойду отдохнуть послѣ обѣда». Между 6 и 7 часами онъ послалъ за мной, чтобы я принесла газеты. «Вы приносите мнѣ игрушки, какъ ребенку», сказалъ онъ. Онъ прочелъ послѣднія, но былъ боленъ, у него былъ жаръ. Я читала, ожидая его, воспоминанія m-me de Genlis, при чемъ онъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Въ Петербургѣ онъ меня просилъ взять эти книги, имѣя въ виду ихъ прочесть. Я ему сказала, что это чтеніе такое легкое, какъ будто бы нарочно создано для больныхъ. «Можетъ быть, завтра», сказалъ онъ. Вечеромъ онъ неожиданно спросилъ меня: «А почему вы не носите траура по королѣ Баварскомъ». Я ему сказала, что сняла по случаю его пріѣзда, а послѣ мнѣ не захотѣлось больше надѣвать, но если онъ хочетъ, я его надѣну завтра. Въ среду 10 онъ долженъ былъ принять утромъ лѣкарство. Штофрегенъ два раза приходилъ, чтобы дать мнѣ свѣдѣнія о дѣйствіи (лѣкарства) и сказалъ при этомъ, что онъ такъ ослабъ, что ему нехорошо. Я не удивилась, что онъ за мной не посылалъ, такъ какъ знала, что онъ не любилъ, чтобы его безпокоили во время дѣйствія лѣкарства. Я ходила гулять, вернулась, кончила обѣдъ. Онъ все еще за мной не присылалъ. Мнѣ стало тоскливо, я послала за Вилліе, тотъ пригласилъ меня войти къ нему. Я нашла его лежащимъ въ уборной на кровати съ очень горячей головой. Увидя меня, онъ однако сказалъ: «Я не посылалъ за вами сегодня потому, что я провелъ ужасное утро изъ-за этого противнаго лѣкарства, мнѣ было тошно и нужно было постоянно вста-

Wylie deux ou 3 heures cruelles à ce lit.—Je vis Wylie ému et très sérieux, cependant il disait: «Vous verrez qu'il y aura une forte transpiration», elle vint, mais l'assoupissement continua si fort, qu'il ne sentait pas que Wylie lui éssuyait fréquement le visage. Au bout de quelque temps cependant il revint peu à peu et prit le mouchoir pour s'essuyer en disant: «je vous remercie, je le ferai moi même! Vous n'avez pas votre livre avec vous», me dit-il. Il fallut le changer. Je m'en allai, il me fit chercher lorsqu'il eut changé de linge et était couché sur son canapé dans le cabinet; il était étonnament bien pour l'état dans lequel il avait passé l'après diner.—J'avais mon livre et faisais semblant de lire mais je l'observai—il me trouva la figure décomposée. Je lui dis, que j'avais fort mal à la tête qu'on avait fermé un poele qui donnait à cote de mon lit—le fait était vrai, mais c'était mes larmes qui avaient décomposé ma figure; il me demanda qui avait fait cela, je nomma la femme de chambre,—il entra en détail sur la manière dont il fallait chauffer cette chambre. Il me demanda si j'avais été promené, je lui dis qu'oui, je lui racontai que j'avais rencontrée les Kalmouks à cheval et qu'on avait dit, qu'ayant apprit qu'il était malade. Ils avaient fait chanter un Tedeum pour sa santée—«Appropos», dit-il, «ils veulent prendre congé de Vous, moi je ne peux pas les voir, ainsi recevez les»; «quand? demandai-je.—«Mais demain, dites le à Wolkonsky». En lui disant le bonsoir et l'embrassant je fis sur ce cher front le signe de la croix, il sourit.—Mardi 11, il me fit dire qu'il avait passé la nuit traquillement.—J'avais demandé les

---

вать, изъ-за чего я очень ослабъ». Окно было открыто, онъ замѣтилъ, что была хорошая погода; «12° тепла въ ноябрѣ!» сказалъ онъ Вилліе. Но вскорѣ онъ впалъ въ тяжелую дремоту и дышалъ тяжело. Въ первый разъ я увидѣла опасность. Я провела съ Вилліе 2 или 3 тяжелыхъ часа у его кровати. Я видѣла Вилліе растроганнымъ и очень серьезнымъ; однако онъ сказалъ: «Вы увидите, что будетъ сильный потъ»;—онъ и былъ, но дремота продолжалась и была такъ сильна, что онъ не чувствовалъ, какъ Вилліе часто обтиралъ ему лицо.

Немного погодя, онъ однако пришелъ въ себя и взялъ платокъ, чтобы выгереться, говоря: «Благодарю васъ, я это сдѣлаю самъ. У васъ нѣтъ съ собой книги», сказалъ онъ мнѣ. Надо было его переодѣть. Я ушла, но онъ послалъ за мной, какъ только ему перемѣнили бѣлье. Онъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ и удивительно хорошо выглядѣлъ для того состоянія, въ какомъ онъ былъ послѣ обѣда. У меня была съ собой книга, и я дѣлала видъ, что читаю, но наблюдала за нимъ. Онъ замѣтилъ, что я разстроена. Я ему сказала, что у меня очень болитъ голова, что рано закрыли печь рядомъ съ моей кроватью. Это было вѣрно, но лицо мое было разстроено отъ слезъ. Онъ спросилъ меня, кто закрылъ печь, я назвала горничную. Онъ вошелъ въ подробности того, какъ слѣдуетъ топить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я; я сказала, что да, и разсказала ему, что встрѣтила конныхъ калмыковъ и что, узнавъ о его болѣзни, они хотѣли отслужить молебенъ о его здоровьѣ. «Кстати», сказалъ онъ, «они хотятъ попрощаться съ вами, я

Kalmouks à 11 h. Il me fit dire par le Pr. Wol. de venir chez lui d'abord, après il était assez bien, il me montra un verre avec du vinaigre et de l'eau des Alpes que Wylie avait arrangé pour lui laver le visage—il dit que c'était un delice; il me demanda ce que m'avaient dit les Kalmouks, et si je leur avais fait de la musique. Je dis, que non, que j'avais eu autre chose à leur dire, que je les avais remerciée de ce qu'ils avaient priés pour lui, que je leur avais demandé, si c'était la première fois qu'ils étaient entrés dans une de nos Eglises;—j'allais continuer—il ne m'écoutait plus et rappela son valet de chambre, pour lui laver le visage avec le vinaigre arrangé;—il me dit de m'en aller et de revenir avant la promenade;—je revins avant de sortir, il me demanda, où je comptais aller, je lui dis que j'avais envie de descendre la montagne à pied, pour aller à la source.—«Vous trouverez les cosaques là», dit-il, «ils ont à prèsent leurs chevaux dans un de ces Pakhaus qui sont vides».—«D'où vient?» demandais-je, «ils l'ont desiré afin d'être plus rapproché». Il me dit de revenir après la promenade. Je rentrai chez lui après la promenade; il me demanda si j'avais executé mon projet de promenade, je dis qu'oui: «avez vous vu les cosaques?»—«J'ai vu deux bas officiers seulement».—Je lui dis, que la veille, en me promenant du côté de la quarantaine, j'avais été agréablement surprise et touchée de voir que le jardinier Gray travaillait à embellir ma place favorite. Je lui demandais si c'était lui, qui l'avait organisé? Il me repondit avec cet air bon qu'il savait si bien avoir souvent: «oui, comme il ne peut pas travailler

---

не могу принять ихъ, примите ихъ вы». «Когда?» спросила я. «Завтра, скажите это Волконскому». Пожелавъ ему спокойной ночи и обнимая его, я перекрестила его дорогой лобъ. Онъ улыбнулся. Въ среду, 11-го, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что провелъ ночь спокойно. Я пригласила калмыковъ въ 11 час. Онъ просилъ меня черезъ князя Волконскаго зайти къ нему. Онъ выглядѣлъ довольно хорошо, показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и съ альпійской водой, которые приготовилъ Виллié для обтиранія лица. Онъ сказалъ, что это наслажденіе, потомъ спросилъ, что мнѣ сказали калмыки, и велѣла ли я имъ сыграть. Я сказала, что нѣтъ, что мнѣ нужно было ихъ поблагодарить за ихъ молитвы о немъ и что я ихъ спросила, было ли это въ первый разъ, что они вошли въ одну изъ нашихъ церквей. Я хотѣла продолжать. Онъ меня болѣе не слушалъ и напомнилъ своему камердинеру обтереть приготовленнымъ уксусомъ лицо. Онъ меня просилъ уйти и вернуться передъ прогулкой. Передъ уходомъ я зашла къ нему; онъ меня спросилъ, куда я думаю пойти. Я сказала, что мнѣ хочется спуститься пѣшкомъ съ горы, чтобы пойти къ источнику. «Вы тамъ найдете казаковъ», сказалъ онъ: «они держатъ теперь своихъ лошадей въ одномъ изъ пустыхъ пакгаузовъ». — «Почему?» спросила я. «Они пожелали быть ближе». Онъ меня просилъ придти къ нему послѣ прогулки. Я пришла. Онъ спросилъ, выполнила ли я свой планъ прогулки. Я сказала: «да».—«Видѣли ли вы казаковъ?»—«Я только видѣла двухъ младшихъ офицеровъ». Я ему сказала, что вчера, гуляя около карантиннаго зданія, я была пріятно удивлена и тронута, увидя, что

dans ce moment de l'autre côté» (à un emplacement où l'Emp. avait voulu faire planter un jardin pour lequel il avait expressement fait venir Gray) «je lui eu dit d'arranger en attendant Votre emplacement favori». Je le remerciai.—Il paroissait assez bien et avait la tête fraiche;—il me dit qu'il fallait que j'aille promener encore l'après diner, je le priai de m'en dispenser et l'assurai que je me trouvai beaucoup mieux à la maison, et plus tranquille, lorsque je pouvais être près de lui — je dis ceci avec quelque émotion: «Allons, de la sagesse», dit-il, «soyez sage!»—il me fit gouter sa boisson qui lui paroissait avoir un arriere gout, je le trouvai aussi et il me dit que Egarovitch avait trouvé la même chose. Wylie entra; il lui parla de sa boisson et lui dit ce que nous avions trouvé. Wylie soutint que cela ne pouvait pas être. Quelque temps après Stoffregen entra, pendant qu'il était là encore, il lui dit en me disignant: «Vous a-t-elle dit ce qui lui est arrivé hier?» Je ne me rappelais pas de quoi il s'agissait, c'était l'echauffement causé par le poele, dont il voulait parler; à deux heures il m'envoya diner.—Vers cinq h. je fis chercher Wylie et lui demandai comment cela allait.—Wylie était gai, il me dit qu'il avait de la chaleur dans ce momant, mais que je devais entrer, qu'il n'était pas dans l'état de la veille»[1]).

садовникъ Грей украшалъ мое любимое мѣстечко. Я его спросила, не онъ ли сдѣлалъ это распоряженіе? Онъ отвѣчалъ такимъ добрымъ тономъ, который у него часто бывалъ: «Да, такъ какъ теперь онъ не можетъ работать съ другой стороны» (на мѣстѣ, гдѣ государь хотѣлъ развести садъ, для чего именно онъ вызвалъ Грея), «я велѣлъ ему пока устроить ваше любимое мѣстечко». Я поблагодарила. Онъ казался довольно бодрымъ, и голова была свѣжа. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы послѣ обѣда я шла гулять. Я просила его освободить меня отъ прогулки и увѣряла, что я чувствую себя гораздо лучше дома и болѣе покойна, если могу быть съ нимъ; я сказала это съ нѣкоторымъ волненіемъ. «Будемъ благоразумны», сказалъ онъ. Онъ далъ мнѣ попробовать питье, въ которомъ ему казался какой-то привкусъ, я почувствовала его также, и онъ мнѣ сказалъ, что Егоровичъ нашелъ то же самое. Вошелъ Вилліе; онъ ему сказалъ про питье. Вилліе утверждалъ, что этого не можетъ быть. Вскорѣ вошелъ Штофрегенъ. Онъ сказалъ при немъ, указывая на меня: «Говорила ли она вамъ, что съ ней было вчера?» Я не понимала, о чемъ онъ говоритъ. Оказалось, что онъ говорилъ о вчерашней топкѣ печи. Въ два часа онъ послалъ меня обѣдать. Около 5 час. я послала за Вилліе и спросила его о ходѣ болѣзни. Вилліе былъ веселъ, сказалъ мнѣ, что у него теперь жаръ, но что я могу туда идти, такъ какъ онъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ наканунѣ» [1]).

---

[1]) Рукописный отдѣлъ собственныхъ Его Величества библіотекъ. Шк. II, п. 6, к. 36, № 1042. На этомъ записка императрицы обрывается.

Кромѣ того, имѣются въ собственной Его Величества библіотекѣ копіи двухъ писемъ [1]) неизвѣстнаго лица изъ семейства Шихматовыхъ къ матери и брату, о послѣднихъ дняхъ жизни императора Александра I [2]). Привожу ихъ цѣликомъ:

I.

1825 г., ноября 19.

«Ахъ, мой милый братецъ и матушка милая, я не знаю, съ чего начать о нашемъ всеобщемъ несчастіи. Вы уже знаете, что нашъ отецъ, государь императоръ, изволилъ возвратиться изъ Крыма зараженъ лихорадкою, которая превратилась въ гнилую и желчную лихорадку, о чемъ отъ насъ скрывали до 15 числа, но какъ я вамъ уже писала, что мы о семъ узнали случайнымъ образомъ, чего нельзя было скрыть отъ всего города, въ ту минуту весь народъ бросился по церквамъ просить Бога со слезами о спасеніи нашего царя, и, кажется, наши грѣшныя молитвы были услышаны! Во время самой обѣдни нашъ отецъ пришелъ въ себя, который уже цѣлыя сутки былъ безъ языка и томился на рукахъ императрицы, но открылъ глаза, взялъ руку у государыни, поцѣловалъ и сказалъ ей: «Вы очень устали»,—приказалъ себя посадить и пять минутъ сидѣлъ, приказалъ сдѣлать супъ изъ перловой крупы, взглянулъ въ окошко, сказалъ: «какой прекрасный день»—и легъ, и до восьми часовъ вечера ему было очень хорошо, кушалъ супъ,—безмѣрная радость разливалась по всему городу, находя его уже въ опасности 18;—и представьте себѣ нашъ ужасъ, сего дня по утру прислалъ князь Волконскій къ моему зятю просить, чтобы онъ приготовилъ свой домъ на случай всеобщаго несчастья для императрицы, которую они располагали перевезти къ намъ; но Богъ милосердъ, Онъ воскрешалъ мертвыхъ, а нашъ отецъ и государь еще существуетъ; мы надѣемся, что онъ спасенъ будетъ всеобщими слезами и молитвами, которыя продолжаются здѣсь день и ночь. Сію минуту пришла моя женщина изъ дворца сказать намъ, что, слава Всевышнему, нашему государю императору сдѣлалось лучше, и сейчасъ взяли здѣшняго штабъ-лѣкаря Александровича, о которомъ предложилъ мой зять, ибо онъ въ моемъ домѣ пользуетъ двадцать лѣтъ, и особливо горячки чудеснымъ образомъ лечитъ; а придворныхъ медиковъ надо повѣсить, что они допустили лихорадку соединиться съ горячкою,

---

[1]) Копіи эти находились въ футлярѣ, въ которомъ хранится гипсовая маска, снятая съ императора. Маска и бумаги найдены въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, въ собственныхъ комнатахъ императора Александра II.

[2]) Въ домѣ Шихматовыхъ, въ Таганрогѣ, прожила нѣсколько дней императрица Елисавета Алексѣевна тотчасъ послѣ кончины государя.

хотя они и оправдываютъ себя, что государь не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ; но виноваты тѣмъ, что это скрыли отъ публики, которая конечно бы бросилась со всѣмъ народомъ къ его окошкамъ и умолила бы его лѣчиться, на что вѣрно бы онъ согласился. Теперь только вся надежда и упованіе на Бога, который укрѣпляетъ и нашу мать императрицу. Она не отходитъ отъ кровати обожаемаго супруга. Они платятъ взаимнымъ попеченіемъ одинъ о другомъ. Когда государь сюда изволилъ пріѣхать, то первыя его были заботы устроить дворецъ какъ можно покойнѣе для императрицы, и не оставилъ ни одного уголка безъ собственнаго своего обозрѣнія, чтобы нигдѣ не дуло, и чтобы всѣ выгоды были соблюдены для ея покоя. Наконецъ, по прибытіи ея сюда, онъ былъ съ нею неразлучно. День начинался тѣмъ, что ему доложатъ: «Государыня проснулась», — прикажетъ подать ей чай; откушаетъ—ему докладываютъ; изволитъ ѣхать гулять—ему доложатъ; возвратится—также; и это было, какъ заведеные часы, что онъ наблюдалъ всѣ ея движенія, и тѣмъ попеченіемъ и ласками укрѣплялось ея здоровье отъ дня на день; но мы боимся, чтобы оно опять себя не разстроило. Вотъ чѣмъ мы платимъ за крымскій вояжъ, противъ котораго былъ весь дворъ. Но кто смѣлъ его остановить? Одна государыня его просила оставить до весны. Но онъ сказалъ: «Будь покойна, я только взгляну на тотъ край и скоро возвращусь». А тамъ тѣмъ случаемъ воспользовались, предложили ему купить имѣніе графа Кушелева, котораго илюминовали горы, ущелья, и представили ему въ очаровательномъ видѣ, гдѣ пили его здоровье, и онъ болѣе получаса стоялъ безъ шляпы въ самый жестокій вѣтеръ; на другой день болѣе 80 верстъ проѣхалъ верхомъ, день былъ жаркій, вѣтеръ ужасный и ночь прехолодная. Вотъ слѣдствіе его болѣзни, то можно ли было его не предостеречь тому человѣку, который знаетъ тотъ климатъ, что тамъ всегда свирѣпствуютъ лихорадки различныя, а теперь самыя злыя; вотъ какъ пожертвовали единственно для того, чтобы обратить все царское вниманіе на тотъ край, и лишаютъ всю Россію милосердаго государя, котораго только однѣ силы борются со смертью уже нѣсколько дней. Сейчасъ пришли сказать, что въ полночь, въ 12 часовъ, сдѣлалось опять очень худо, и онъ страдаетъ. Боже милосердый, подкрѣпи царицу, — а я теряю силы!—19 числа, въ 11 часовъ. Нѣтъ у насъ больше нашего отца, и мы несчастные должны вамъ нашу сердечную горесть сообщить. Ахъ, сія несчастная минута рѣшила судьбу Россіи».

II.

«Любезный братецъ, я ничего не могу сказать къ вашему утѣшенію. Теперь здѣсь только одни слезы и вздохи о потерѣ нашего отца и государя, у котораго по анатоміи нашли въ головѣ на мозгу воды три унца; но внутренность его была такъ здорова, что надобно бы ему жить сто лѣтъ. Вотъ слѣдствія крымскаго вояжа, о которомъ я вамъ уже писала, что онъ на открытомъ мѣстѣ стоялъ безъ шляпы болѣе получаса, гдѣ былъ жаркій день

Заимка Хромова.

и пронзительный вѣтеръ, отъ чего онъ получилъ злую лихорадку, которая соединилась съ горячкою, и наконецъ вся простуда остановилась въ головѣ, чѣмъ и кончились его неоцѣненные дни для всей Россіи. Мы теперь оплакиваемъ то, зачѣмъ отъ насъ скрывали его болѣзнь до той минуты, когда уже потеряли въ немъ надежду, и зачѣмъ не пригласили здѣшнихъ медиковъ, которые знаютъ свойство крымской лихорадки. Видно, придворные медики боялись потерять славу, и потому скрывали отъ публики положеніе нашего отца и государя, даже и отъ всѣхъ его окружающихъ, которыхъ мы видѣли всякій день; и они намъ говорили, что, слава Богу, государю лучше, только еще есть лихорадка: это мнѣ сказалъ Лонгиновъ въ субботу вечеромъ, а на воскресеніе въ ночь государя пріобщали, и уже его страданія продолжались съ раз-

ными перемѣнами до четверга, т. е. до 19-го числа. Императрицу до сихъ поръ милосердый Богъ укрѣпляетъ, которую просили переѣхать къ намъ въ домъ, на что она не хотѣла согласиться, и сказала князю Волконскому: «Я увѣрена, что вы раздѣляете со мною мое несчастіе, но неужели вы думаете, что меня привязывала одна корона къ моему мужу? Я васъ прошу не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда есть возможность», — послѣ чего никто не смѣлъ ее просить, и она оставалась цѣлый день одна въ своихъ комнатахъ, и ходила безпрестанно къ тѣлу безъ свидѣтелей; и когда онъ скончался, то она сама подвязала ему платкомъ щеки, закрыла глаза, перекрестила, поцѣловала, заплакала, потомъ встала, взглянула на образъ и сказала: «Господи, прости мое согрѣшеніе, Тебѣ было угодно меня его лишить», и пошла въ свои комнаты, гдѣ она уже дала полную свободу своимъ слезамъ. На другой день опять просилъ ее князь переѣхать къ намъ въ домъ, хотя на нѣсколько дней, на что она согласилась, и уже 4-й день у насъ; но она изволитъ ѣздить всякій день къ тѣлу и совершенно неутѣшна. Подкрѣпи ее, милосердый Боже!»[1]).

Имѣются также самыя подробныя свѣдѣнія о бальзамированіи тѣла императора Александра I. Они извлечены изъ воспоминаній состоявшаго при графѣ Дибичѣ Николая Игнатьевича Шенига († 1860 г.), которыя были помѣщены въ «Русскомъ Архивѣ» 1880 г., (III, стр. 267—326). Эти записки изобилуютъ интереснѣйшими подробностями о пребываніи государя въ Таганрогѣ въ 1825 году.

Вотъ какъ повѣствуетъ Шенигъ о первыхъ дняхъ послѣ кончины Александра:

«21 числа, поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя. Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то развареннымп въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Добертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Вилліе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкою, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только

[1]) Рукописное отдѣленіе собственныхъ Его Величества библіотекъ. Шк. II, п. 6, к. 36, № 1041а.

въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ, и благодѣянія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Чрезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образцомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная; одно только мѣсто, которое неосторожно хватилъ Тарасовъ, было чернаго цвѣта.

«По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ парадный общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили аналой съ Евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четверыхъ. Кромѣ того, былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Добертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всѣ двери и окна были заперты, и, кромѣ того, горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ-то душистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированіе, по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднявъ кисею для примочки лица, я далъ замѣтить Доберту, что клочокъ галстука торчитъ изъ-подъ воротника государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ онъ къ Вилліе, который явился удостовѣриться

въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всѣ окна, поддвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильные, и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня».

Между тѣмъ дѣлались предположенія любителями легенды, что государь, будучи больнымъ, скрылся за нѣсколько дней до своей кончины, что вмѣсто него въ гробъ положено другое лицо (называлась даже по фамиліи эта личность), увѣряли, что императрица не присутствовала при его кончинѣ и не видала его даже мертвымъ; забыли, что существуютъ гравюры, литографіи и рѣзныя изъ кости картины, изображающія послѣднія минуты жизни императора Александра I, на которыхъ видны портреты всѣхъ лицъ, съ императрицей Елисаветой Алексѣевной во главѣ, плачущихъ при послѣднихъ минутахъ его жизни. Если допустить малѣйшую правдоподобность этихъ предположеній, то все же надо считаться съ фактами приведенія ихъ въ исполненіе, чисто съ практической стороны. Государь, рѣшившись на такое исчезновеніе, долженъ былъ имѣть сообщниковъ, нѣсколькихъ или одного по крайней мѣрѣ, или изъ числа приближенныхъ, или со стороны императрицы, или изъ лицъ его прислуги, или, наконецъ, изъ числа его врачей. Кто же были тѣ, которые находились вокругъ Александра Павловича въ Таганрогѣ въ ноябрѣ 1825 года? Прежде всего его супруга, императрица Елисавета Алексѣевна, для которой и было предпринято путешествіе на югъ Россіи, въ виду шаткости здоровья ея величества. Какъ извѣстно, императрица вскорѣ тоже скончалась, на возвратномъ пути въ Петербургъ, въ небольшомъ городѣ Бѣлевѣ, 3-го мая 1826 года. Изъ выдающихся приближенныхъ въ Таганрогѣ находились: начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, вѣрный спутникъ государя во всѣ дни его царствованія, генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ, давно пользовавшійся также довѣріемъ Александра Павловича. Изъ врачей были тамъ: лейбъ-медикъ Виллié, докторъ Тарасовъ и лейбъ-медикъ ея величества Стофрегенъ. Сопровождали еще государя: вагенмейстеръ полковникъ Соломка, камердинеръ Анисимовъ, камердинеръ Ѳедоровъ, лейбъ-кучеръ Илья Байковъ и другіе низшіе придворные служащіе. При императрицѣ находилась камеръ-фрейлина Е. П. Валуева, а также княгиня Софія Григорьевна Волконская, супруга князя Петра Михайловича.

Если бы государю пришла мысль незамѣтно скрыться, ему пришлось бы войти въ соглашеніе съ кѣмъ-либо изъ вышеупомянутыхъ лицъ, а кромѣ того, еще озаботиться о пріисканіи покой-

ника, могущаго замѣнить его въ гробу. Какъ ни фантастиченъ былъ бы такого рода замыселъ, но первая часть его, т. е. исчезновеніе, можетъ быть допустима на практикѣ при безусловной охранѣ тайны соучастниками такой драмы; что же касается исполненія второй части невѣроятно труднаго предпріятія, т. е. замѣны государя какимъ-либо подходящимъ покойникомъ, то намъ кажется, что, придавая значеніе этому вопросу, мы вторглись бы въ область уже просто баснословныхъ сказокъ. Тѣмъ не менѣе, нашлись люди, которые намекали, кого именно надо искать въ этой роли замѣстителя въ гробу царствующаго императора.

Дѣло въ томъ, что 3-го ноября 1825 года, возвращаясь въ Таганрогъ изъ Крыма, больной государь встрѣтилъ, на доѣзжая Орѣхова, ѣхавшаго изъ Петербурга съ бумагами фельдъегеря Маскова; принявъ бумаги, Александръ Павловичъ приказалъ фельдъегерю ѣхать за нимъ по направленію къ Таганрогу. По неосторожности ямщика, Масковъ на какомъ-то крутомъ поворотѣ былъ выброшенъ изъ перекладной и, ударившись о камень, тутъ же скончался. Императоръ былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого происшествіи и приказалъ врачу Тарасову оказать немедленную помощь пострадавшему, что и было исполнено. Помощь оказалась излишней, въ виду моментальной смерти фельдъегеря. На Александра Павловича этотъ случай произвелъ тяжелое впечатлѣніе, что весьма понятно. Шильдеръ подробно описываетъ весь этотъ эпизодъ въ IV томѣ своего труда (стр. 372 и 373) и добавляетъ свой разсказъ выдержкой изъ записокъ врача Тарасова. «Выслушавъ мое донесеніе», пишетъ Тарасовъ, «государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! Очень жаль этого человѣка». Потомъ, обратясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

Во время моихъ бесѣдъ съ покойнымъ Николаемъ Карловичемъ Шильдеромъ, онъ неоднократно останавливался на этомъ случаѣ и обращалъ мое вниманіе на замѣтку Тарасова. Послѣ ряда усилій, чтобы найти кого-либо изъ потомковъ убившагося фельдъегеря Маскова, Шильдеру удалось напасть на слѣдъ нѣкоего Аполлона Аполлоновича Курбатова, профессора химіи въ Технологическомъ институтѣ. Я лично пригласилъ профессора къ себѣ, и вотъ что онъ мнѣ передалъ въ 1902 году, вскорѣ послѣ кончины самого Шильдера. А. А. Курбатовъ приходился по матери своей внукомъ фельдъегеря Маскова, и у нихъ въ семьѣ сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что будто бы дѣдъ ихъ Масковъ похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, вмѣсто императора

Александра I, что это преданіе ему, профессору, тоже извѣстно и что дѣти Маскова допускали возможность такого преданія. Къ сожалѣнію, всѣ дѣти Маскова давно умерли, ихъ было пять, два сына и три дочери, также уже не было въ живыхъ отца А. А. Курбатова, Аполлона Митрофановича, скончавшагося въ 1857 году, и его жены, Александры Николаевны, рожденной Масковой, умершей въ 90 годахъ. Самъ профессоръ А. А. Курбатовъ (въ то время уже пожилой человѣкъ) скончался въ 1903 году. Другихъ потомковъ какъ сыновей Маскова, такъ и остальныхъ его дочерей мнѣ не удалось отыскать.

Во всякомъ случаѣ курьезно, что такого рода преданіе могло вообще существовать и, по показанію профессора Курбатова, оно хранилось въ семьѣ ихъ въ тайнѣ и, по понятнымъ причинамъ, избѣгалось къ оглашенію. Въ Московскомъ Лефортовскомъ архивѣ я нашелъ не только формулярный списокъ Маскова, но и подробное донесеніе капитана Михайлова командиру фельдъегерскаго корпуса майору Васильеву, писанное 6 ноября 1825 г. изъ Таганрога. Оно схоже съ разсказомъ Шильдера и съ описаніемъ Тарасова, но кромѣ того указано точно мѣсто, гдѣ похороненъ фельдъегерь Масковъ, а именно въ томъ селеніи, гдѣ случилось съ нимъ несчастіе: «4 числа ноября преданъ землѣ въ семъ же означенномъ селеніи при фельдшерѣ Вельшѣ, который былъ посланъ по приказанію начальника главнаго штаба его высокопревосходительства генералъ-адъютанта Дибича изъ города Орѣхова». Семейству Маскова пожаловано было, по высочайшему повелѣнію, полное содержаніе, получаемое имъ при жизни, и, кромѣ того, нѣсколько разъ отпускалась сумма на уплату долговъ, а младшая дочь Александра (впослѣдствія Курбатова) опредѣлена была на казенное содержаніе въ мѣщанское училище благородныхъ дѣвицъ [1]).

Слѣдовательно, внѣ всякаго сомнѣнія, что тѣло погибшаго фельдъегеря Маскова было похоронено на другой день послѣ происшествія, т. е. 4 ноября, за пятнадцать дней до кончины государя. Остается только порадоваться, что документально можно доказать всю несообразность этого преданія относительно Маскова. Говорилось также о какомъ-то солдатѣ Семеновскаго полка, имѣвшемъ большое сходство съ Александромъ Павловичемъ, лично извѣстномъ императору и будто бы находившемся или командированномъ въ Таганрогъ. На это обстоятельство положительно не имѣется никакихъ указаній. По этому поводу я приведу изреченіе, вырвавшееся изъ устъ одного изъ знатоковъ нашей исторіи въ разговорѣ его съ покойнымъ Шильдеромъ на эту тему. Оппонируя Н. К. Шильдеру на цѣлую серію его мистическихъ догадокъ, эта

[1]) Выписано изъ дѣла канцеляріи вице-директора, св. 164, № 385, за 1825 г., Московскій Лефортовскій архивъ.

личность, которую я не считаю себя въ правѣ назвать, сказала: «J'admets la possibilité de toutes vos conjectures sur la disparition d'Alexandre I, sauf une qui est capitale et qui me parait inadmissible. Comment voulez vous admettre qu'on puisse «escamoter» le cadavre d'un empereur»!? Долженъ и я всецѣло присоединиться къ этому мнѣнію и сказать, что болѣе чѣмъ сомнительно допустить возможность подмѣны покойника, когда этимъ покойникомъ является русскій государь. Но въ гипотезахъ, относящихся до такого рода историческихъ событій, приходится останавливаться на всѣхъ этихъ мелочахъ, какъ бы ни казались мелочными подробности, отъ которыхъ зависитъ вполнѣ точное представленіе общей картины и роли отдѣльныхъ личностей.

Келія Ѳедора Козьмича на заимкѣ Хромова.

Продолжая мое изслѣдованіе, обращаюсь къ дальнѣйшей судьбѣ останковъ Александра I по пути слѣдованія ихъ изъ Таганрога въ Петербургъ. Сопровождать тѣло почившаго императора было поручено генералъ-адъютанту графу Вас. Вас. Орлову-Денисову, совмѣстно съ другими лицами государевой свиты, на которыхъ было возложено дежурство у гроба по пути слѣдованія печальнаго шествія. Приведу цѣликомъ два донесенія графа Орлова-Денисова отъ 6 и 7 февраля 1826 г., на имя барона Дибича, начальника главнаго штаба его величества: I. «По высочайшему повелѣнію, отъ 2 февраля, за № 196, ваше превосходительство изволили пре-

проводить мнѣ представленное главнымъ по арміи медицинскимъ инспекторомъ, лейбъ-медикомъ Вилліе, мнѣніе касательно свинцоваго гроба, вмѣщающаго тѣло блаженныя памяти государя императора Александра Павловича. Принявъ на себя высокую и священную для меня обязанность сопровождать безцѣнные останки почивающаго въ Бозѣ государя императора, я главнѣйшимъ себѣ долгомъ поставилъ неусыпно пещись о храненіи оныхъ, какъ во время самаго шествія, такъ и на ночлегахъ и дневкахъ. Изъ приложенной у сего въ копіи инструкціи дежурному при гробѣ флигель-адъютанту ваше превосходительство усмотрѣть изволите распоряженія мои по сему предмету; сверхъ того, находящемуся при печальной свитѣ медико-хирургу надв. сов. Тарасову поручено мною строго наблюдать за надлежащей при гробѣ температурой, который, слѣдуя безотлучно во время шествія при оном, на ночлегахъ и дневкахъ съ большой аккуратностью смотритъ за содержаніемъ гроба, сколько возможно, въ низшей температурѣ. Касательно же осмотра свинцоваго гроба и положенія въ оном самаго тѣла государя императора, то, не рѣшаяся доселѣ приступить къ нему до полученія на то высочайшей воли, я не премину теперь выполнить сіе по выступленіи изъ Москвы при новомъ удобномъ къ тому случаѣ во время ночлега, стараясь сдѣлать сіе, сколько это будетъ возможно, уединеннѣе и осторожнѣе, о послѣдующемъ не премину обстоятельно увѣдомить ваше превосходительство».

(Послано съ флигель-адъютантомъ графомъ Строгановымъ).

II. «По благополучномъ выступленіи изъ Москвы, на второмъ ночлегѣ въ селѣ Чашошковѣ, 7 февраля, въ 7 часовъ пополудни, по удаленіи всѣхъ постороннихъ изъ церкви, генералъ-адъютантами: графомъ Остерманомъ-Толстымъ, Бороздинымъ и Сипягинымъ и мною, флигель-адъютантами полковниками: Германомъ, Шкуринымъ, Кокошкинымъ, графомъ Залуцкимъ и ротмистромъ Плаутинымъ, также гвардіи полковниками, кавалергардомъ Араповымъ, Соломкой, и медико-хирургомъ Тарасовымъ для удостовѣренія насчетъ положенія тѣла почивающаго въ Бозѣ императора Александра, предпринято было вскрытіе свинцоваго гроба, и, тщательнѣйшимъ осмотромъ онаго, оказалось слѣдующее: по снятіи деревянной крышки, крышка свинцоваго гроба оказалась на своемъ мѣстѣ и въ совершенной сохранности, кромѣ только угла правой стороны близъ головы, который не болѣе какъ на одну линію опустился внизъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ конецъ желѣзнаго прута, служащаго подпоркой свинцовой крышки, немного отсталъ отъ своего мѣста. Когда же свинцовая крышка была съ возможною осторожностью нами поднята, то положеніе самаго тѣла въ гробу представилось намъ въ совершенномъ порядкѣ и сохранности, такъ что въ укладкѣ онаго ни малѣйшей перемѣны на путешествіи не послѣдовало. При семъ вскрытіи, кромѣ ароматнаго и бальзамиче-

скаго запаха, никакого газа не было примѣтно. Послѣ сего оба гроба закрыты нами попрежнему». Кажется, донесенія графа Орлова-Денисова барону Дибичу написаны ясно, названы также всѣ присутствовавшіе при вскрытіи гроба поименно. Всѣ эти лица видѣли тѣло почившаго государя, набальзамированное, въ гробу, и никто изъ нихъ ни въ посмертныхъ запискахъ, ни въ разговорахъ и письмахъ не усомнился въ чертахъ лежащаго предъ ними усопшаго, а прошло уже два съ половиной мѣсяца послѣ кончины императора въ Таганрогѣ, и на пути тѣло могло бы легко попортиться и измѣниться, особенно при состояніи дорогъ въ то время. Но, кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства, существуютъ еще напечатанныя въ Берлинѣ записки Леопольда фонъ-Герлаха, который сопутствовалъ принцу Вильгельму Прусскому (будущій германскій императоръ), прибывшему для представительства во время похоронъ и присутствовавшему при вскрытіи гроба близъ Царскаго Села. Въ дневникѣ фонъ-Герлаха, за 4 (16) марта 1826 г., сказано: «Der Prinz (Wilhelm) erzählte, wie der Sarg geöffnet und die Kaiserin Mutter (императрица Марія Ѳеодоровна) mehrere Male der Leiche die Hand geküsst und gerufen: «Oui c'est mon cher fils Alexandre, ah, comme il a maigri!» Dreimal ist sie wieder umgekehrt und zur Leiche gegangen. Der Prinz war sehr ergriffen von dem Anblick der Leiche».

Вполнѣ понятно, что близкіе родственники, какъ мать и братья, а также принцъ Вильгельмъ Прусскій, часто видавшій покойнаго государя, должны были найти измѣненія въ чертахъ усопшаго, происшедшія и отъ бальзамированія, и отъ тряски въ пути. Наконецъ, 5 марта, въ Чесмѣ, близъ Царскаго Села, тѣло императора было переложено изъ прежняго гроба въ новый бронзовый гробъ, опять-таки генералъ-адъютантами, въ присутствіи князя Александра Николаевича Голицына и князя Алексѣя Борисовича Куракина. Объ этомъ свидѣтельствуютъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій и врачъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ. Кромѣ того, еще дважды до этого, а именно на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, и въ Бабинѣ, не доходя до Царскаго Села, гробъ былъ вскрываемъ для осмотра тѣла государя. Шильдеръ подробно повѣствуетъ объ этихъ вскрытіяхъ въ IV томѣ исторіи (см. стр. 437 и 438). Послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ едва ли еще можно сомнѣваться въ подлинности личности императора Александра въ гробу, тѣмъ болѣе, что, повторяю, никто изъ современниковъ не высказалъ сомнѣнія ни при жизни, ни послѣ, въ какихъ-либо бумагахъ по этому вопросу. Между тѣмъ, поводы къ такого рода сомнѣнію существовали и тогда, и еще гораздо болѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время. Было извѣстно, что Александръ Павловичъ, уѣзжая на югъ изъ Петербурга, долго молился въ Казанскомъ соборѣ, посѣтилъ какого-то инока въ

Александро-Невской лаврѣ, гдѣ долго оставался съ нимъ въ бесѣдѣ; что у государя было точно предчувствіе, что онъ больше не увидитъ своей столицы; что, выѣзжая изъ Петербурга, его величество нѣсколько разъ оглядывался, какъ бы прощаясь, и былъ въ мрачно сосредоточенномъ настроеніи духа. Шильдеръ выражается такъ по этому поводу: «Передъ выѣздомъ изъ Петербурга государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчей со схимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ,—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ» (стр. 354). Конечно, въ этихъ словахъ историка опять звучитъ сомнѣніе и даетъ читателю лишь поводъ ко всякаго рода предположеніямъ. Ходили и другіе слухи о мнимомъ его желаніи отречься отъ престола. Эти слухи имѣли свое основаніе, такъ какъ Александръ дѣйствительно не разъ выражался, что усталъ отъ бремени правленія Россіей, что ему необходимъ покой. Разочарованіе общее было еще замѣтно и ранѣе, со времени Ахенскаго и Веронскаго конгрессовъ, гдѣ мистическое настроеніе государя не было ни для кого тайной. Извѣстно также, что еще лѣтомъ 1819 г., въ Красномъ Селѣ, Александръ Павловичъ имѣлъ бесѣду со своимъ братомъ Николаемъ и великой княгиней Александрой Ѳеодоровной, гдѣ впервые имъ передалъ о намѣреніи Константина Павловича отречься отъ престола, а также сказалъ имъ слѣдующее: «Что касается меня, то я рѣшился отказаться бтъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполнѣ обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время». Это заимствовано изъ записокъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ дневникѣ императрицы, во время коронаціи ея въ Москвѣ, подъ 15 августа 1826 г., мы находимъ еще такую замѣтку: «Gewiss werde ich beim Anblick des Volks denken wie der selige Kaiser einst sagte, als er von seiner Abdankung sprach: «et comme je me rejouirai quand je vous verrai passer et que moi dans la foule je vous crierai hourrah, en remuant mon bonnet dans les airs». Ich wollte ihn immer prügeln wenn er mir so etwas sagte». Если такого рода изреченія Александра Павловича были извѣстны его ближайшимъ родственникамъ, то они могли бы поддаваться всякимъ сомнѣніямъ, узнавъ о неожиданной кончинѣ государя послѣ кратковременной болѣзни въ Таганрогѣ. Въ дѣйствительности же все обошлось совсѣмъ просто и никому не приходило на умъ въ тѣ времена сочинять фантастическія догадки. А въ личности и дѣйствіяхъ императора Александра, особенно въ послѣдніе годы его жизни, было надъ чѣмъ призадуматься и даже своихъ современ-

Часовня на могилѣ старца Ѳедора Козьмича.

никовъ онъ не разъ ставилъ втупикъ, до того его пріемы были подчасъ таинственны и загадочны. Стоитъ только вспомнить про акты по вопросу о престолонаслѣдіи, изъ которыхъ оригиналъ хранился въ Успенскомъ соборѣ, а копія была оставлена въ сенатѣ. Когда князь А. Н. Голицынъ позволилъ себѣ замѣтить государю передъ его отъѣздомъ въ Таганрогъ, что неудобно оставлять акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія при продолжительномъ отсутствіи необнародованными и какая можетъ отъ этого родиться опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія, то государь отвѣтилъ: «Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ» (Шильдеръ, т. IV, стр. 350).

Очевидно, что такого рода поведеніе Александра Павловича поражало не только родственниковъ и приближенныхъ, но должно было дать поводъ и другимъ лицамъ удивляться, а также дало возможность возникновенію всякихъ толковъ и слуховъ. Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранится сборникъ такихъ слуховъ, въ количествѣ 51, записанныхъ нѣкіимъ дворовымъ человѣкомъ Ѳедоромъ Ѳедоровымъ, подъ заглавіемъ: «Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ описывать, для дальняго времени незабвеннаго, именно 1825 г., съ декабря 25 дня». Приведу самые характерные изъ этихъ слуховъ, касающихся императора Александра, такъ какъ многіе другіе относятся до великаго князя Константина Павловича: 3 слухъ: Государя убили, изрѣзали и долго его тѣло искали и навѣрное не могутъ утвердить, нашли ли его тѣло, и нельзя узнать, для того на лицо сдѣлали восковую маску. 7 слухъ: Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ. Все тѣло его такъ почернѣло, что никакъ и показывать не годится. Для того и сдѣлали восковую накладку, а гробъ свинцовый въ 80 пудовъ. 9 слухъ: Государь живъ, его продали въ иностранную неволю. 10 слухъ: Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море. 11 слухъ: Гробъ государевъ везутъ ямщики, которымъ дано за провозъ 12 тысячъ рублей, что находятъ весьма подозрительнымъ. Шульгинъ, московскій полицеймейстеръ, о семъ разговаривалъ, да и князь Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, находится въ немаломъ сомнѣніи о семъ. 20 слухъ: Князь Долгоруковъ Юрій Владимировичъ, престарой князь, послѣ блаженныя кончины Александра I не присягалъ еще ни одному изъ новыхъ государей, а желаетъ прежде видѣть тѣло покойнаго государя своими глазами въ лицо, тогда и присягнетъ кому должно, то народъ изъ онаго ожидаетъ чего-нибудь невеселаго. (Князь Юр. Вл. Долгорукій скончался въ Москвѣ глубокимъ старцемъ, 90 лѣтъ, въ 1830 г.). 24 слухъ: Когда государь поѣхалъ въ Таганрогъ, то за нимъ гна-

лись во всю дорогу многіе господа съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убить его; двое и догнали въ одномъ мѣстечкѣ, но убить не осмѣлились. Такъ народъ заключаетъ, что государь убитъ въ Таганрогѣ вѣрноподданными извергами, ну т. е. господами благородными душами, первѣйшими въ свѣтѣ подлецами. 25 слухъ: Графиню Орлову и жену графа Потемкина высѣкли плетьми, за то, что они дѣлали балы, на которыхъ были заговоры на царскую фамилію, а онѣ не могли онаго доказать императору, вѣрныя фрейлины, распренеблагодарныя каналіи. 31 слухъ: Во время проѣзда черезъ Москву государева тѣла былъ въ Москвѣ изъ нѣкотораго села дьячокъ, смотрѣлъ и онъ, и при пріѣздѣ его въ село стали его спрашивать мужики, что видѣлъ ли государя, а онъ отвѣтилъ: какого государя, это чорта везли, а не государя. Тогда мужикъ его ударилъ въ ухо и потомъ объявилъ управителю и попу, то онаго дьячка взяли въ Москву, и попа и дьякона тоже. Попа то отпустили изъ Москвы и отъ службы отрѣшили, а дьячка и дьякона и теперь держатъ, и неизвѣстно, что будетъ съ ними. 33 слухъ: Царскаго кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ пирожкѣ и никакъ не могли его отпоить молокомъ, а докторъ, который лѣчилъ покойнаго государя, померъ, пріѣхавши въ Петербургъ. 34 слухъ: Когда привезутъ государя покойнаго въ Петербургъ и поставятъ тѣло его въ означенномъ соборѣ, тогда вся царская фамилія будетъ его осматривать, а другого званія, кромѣ царской фамиліи, не будетъ въ соборѣ никого, а тѣло его будетъ вынуто изъ гроба и осмотрѣно кѣмъ слѣдуетъ. 36 слухъ: Государя когда привезутъ въ Петербургъ, то станутъ его осматривать при иностранныхъ короляхъ и посланникахъ. 37 слухъ: Государево тѣло самъ государь станетъ встрѣчать, свое тѣло, и на 30 верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него, который ему сказалъ, а онъ бѣжалъ тогда и скрывался до Петербурга. 39 слухъ: Когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходятъ къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашивали, что государь дѣлаетъ, имъ отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь, также и на другой день пришли, получили тотъ же отвѣтъ и ушли опять, тогда пришли на третью ночь, имъ отвѣтили, что государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ государю и сказалъ ему: «Васъ сегодня изрубятъ, приготовьтесь непремѣнно», то государь сказалъ солдату: хочешь за меня быть изрубленнымъ, то солдатъ сказалъ: я не хочу ни того, ни другого; то государь сказалъ ему: ты будешь похороненъ какъ я, а родъ твой будетъ весьма награжденъ, то солдатъ тогда на оное согласился. Онъ надѣлъ на себя царскій мундиръ, а государя спустилъ въ окно, а на солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто государя, и т. д. 32 слухъ: Когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ и тамъ строился дво-

рецъ для Елисаветы Алексѣевны, то государь пріѣхалъ въ оный изъ задняго крыльца, стоявшій тамъ часовой остановилъ его и сказалъ: не изволите входить на оное крыльцо, васъ тамъ убьютъ изъ пистолета. Государь на это сказалъ: хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился, а государь надѣлъ солдатскій мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій, государя, шинель и шляпу и пошелъ въ отдѣлываемый дворецъ, прикрывъ лицо шинелью. Какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистолета по немъ выстрѣлили, но не попали, солдатъ повернулся, чтобы назадъ идти, то другой выпалилъ по немъ, прострѣлилъ его, солдата подхватили и потащили въ тѣ палаты, гдѣ жила супруга государева, и доложили ей, что государь весьма нездоровъ и потомъ послѣ померъ, яко государь. А настоящій государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, но неизвѣстно куда, и писалъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобы онаго солдата похоронили какъ меня.

Вотъ самые курьезные слухи, выписанные изъ дѣла, которое приложено къ секретной части дежурнаго генерала и хранится до сихъ поръ въ канцеляріи военнаго министерства. Какъ видно изъ бумагъ, это дѣло было въ связи съ другимъ о двухъ отставныхъ солдатахъ, унтеръ-офицерѣ Медвѣдевѣ и рядовомъ Крутиковѣ, служившихъ при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и разсказывавшихъ нелѣпые слухи насчетъ императорской фамиліи. Слѣдствіе генералъ-адъютантомъ Дибичемъ поручено было вести генералъ-майору Геруа и статскому совѣтнику Тургеневу. Начато оно было 28 мая, а закончено 10 августа 1826 года.

Небезынтересно также привести выписки изъ писемъ Александра Булгакова къ брату его Константину («Русскій Архивъ»): «27 января 1826 года. Не повѣришь, что за вздорные слухи распространяютъ кумушки и пустословы по городу. Жаль, право, что князь Дмитрій Владимировичъ (князь Голицынъ) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, кои возьмутся для прекращенія или предупрежденія безпорядковъ. Говорятъ, что подписками обязываютъ фабрикантовъ не выпускать фабричныхъ въ день процессіи, что кабаки будутъ заперты, и множество другихъ подобныхъ мѣръ. Князь поставитъ себя въ непріятное положеніе и заслужитъ нареканіе справедливое всѣхъ тѣхъ, коихъ не допуститъ принять участіе въ отданіи послѣдняго долга». 4-го февраля: «Филаретъ съ духовенствомъ лобзали останки безцѣнные, а послѣ всѣ царевичи, князь Д. В., генералъ-адъютанты и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смѣяться надъ глупцами, кои трусили, уѣзжали изъ Москвы или просили часовыхъ для себя на это время. Да я своею головою ручался моей женѣ и всѣмъ, что весь городъ будетъ покоенъ, что видъ гроба Александра I заставитъ все на

свѣтѣ забыть, и что въ народѣ одно только будетъ чувство — скорбь. А, конечно, бездѣльники были дѣятельны и разсѣивали разные глупые слухи, кои дураковъ пугали. Благоговѣніе народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ прикладывались, всѣ почти въ землю. Во всю ночь были поклонщики. Ночь не была потеряна. Дабы доставить всѣмъ удовольствіе приложиться къ безцѣнному праху, впускали солдатъ здѣшняго гарнизона». 7-го февраля: «Александръ Сергѣевичъ Марковичъ, фельдъегерь, бывшій при государѣ во время его болѣзни, кончины и послѣ оной, видѣлъ все происходившее въ горестное это время, обмывалъ драгоцѣнное тѣло, дежурилъ 4 сутокъ при ономъ, не спавши; открытіе тѣла, бальзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство, удовлетворялъ оное въ полной мѣрѣ. Первый консиліумъ, на который государь очень неохотно согласился, говоря Вилліе, что онъ въ немъ не сомнѣвается и что все дѣлается по волѣ Божьей, былъ 13-го числа. Кромѣ Вилліе, были также Штофрегенъ и Ренгольдъ; сей, вышедъ оттуда, сказалъ Марковичу на ухо: «Золотое время было упущено». Государь не хотѣлъ слышать о лѣкарствахъ сначала, когда можно было разорвать болѣзнь. Крѣпкое его сложеніе столь оную преодолѣвало, что еще 11-го изволилъ самъ бриться безъ всякой усталости, безпрестанно повторялъ: «Не мучьте меня. Дайте мнѣ покой!» И когда императрица стала наиубѣдительнѣйше его уговаривать принять лѣкарство, то императоръ, не имѣя чѣмъ возразить, просилъ ее оставить на нѣкоторое время одного, дабы отдохнуть и воспользоваться наклонностью, которую чувствуетъ ко сну. Когда приставили пьявки, то, какъ скоро чувствовалъ дѣйствіе оныхъ, государь срывалъ ихъ самъ руками и кидалъ на полъ. Всѣ теперь видѣли, сколь гнусна была клевета, выдуманная на вѣрный, богобоязливый и кроткій народъ русскій. Сказали, что когда прибудетъ тѣло сюда, народъ потребуетъ вскрытія гроба, чтобы увѣриться въ смерти государевой. Какая нелѣпость. Ужели всѣ сіи генералы, адъютанты и всѣ сопровождающіе тѣло (назовемъ одного Илью, плачущаго на козлахъ), ужели они и весь Таганрогъ въ заговорѣ семъ, обмануть Россію? Слухи сіи однако же стали безпокоить князя Д. В.; онъ думалъ всему пособить, напечатавъ, что тѣло было отпѣто, и напрасно, ибо правда все-таки узнается».

Останавливаясь на всѣхъ вышеприведенныхъ подробностяхъ, я имѣлъ въ виду исчерпать все то, что только относилось до личности императора Александра I, и наглядно доказать всю нелѣпость распущенныхъ толковъ, а также всей легенды о мнимомъ исчезновеніи государя изъ Таганрога.

Что же касается личности старца, умершаго въ 1864 году въ Сибири подъ именемъ Ѳедора Козьмича, то врядъ ли удастся

когда-либо вполнѣ точно установить, кто онъ былъ въ дѣйствительности. Для этого было бы желательно отыскать его письма, чтобы установить почеркъ старца. Но писалъ ли вообще кому-либо Ѳедоръ Козьмичъ?

Имѣется предположеніе, исходящее отъ родственниковъ графа Дмитрія Ероѳеевича Остенъ-Сакена, что графъ былъ въ перепискѣ со старцемъ. Во всякомъ случаѣ, было установлено, что сношенія дѣйствительно существовали между ними. Несмотря на всѣ поиски графини Александры Дмитріевны Остенъ-Сакенъ, рожденной княжны Урусовой, вдовы сына графа Дмитрія Ероѳеевича, въ имѣніи Пріютъ, Херсонской губерніи, удалось найти только пустую шкатулку, гдѣ хранились секретныя бумаги графа Дмитрія Ероѳеевича. Самыя же бумаги и письма были кѣмъ-то извлечены изъ шкатулки, во время долгаго отсутствія владѣльцевъ изъ имѣнія. Дмитрій Ероѳеевичъ скончался въ началѣ марта 1881 года почтеннымъ старикомъ, и послѣ его смерти никто изъ семейства не интересовался особенно оставшимися бумагами. Между тѣмъ сохранились его дневники, писанные съ 1822 года до самой кончины графа, но и въ нихъ нѣтъ указаній на Ѳедора Козьмича. Эти сношенія графа Дмитрія Ероѳеевича Остенъ-Сакена съ сибирскимъ старцемъ, которыя подтверждаются наслѣдниками, имѣли, вѣроятно, чисто религіозную подкладку, такъ какъ графъ былъ человѣкъ весьма набожный и любилъ сноситься съ лицами духовнаго званія и другими святыми людьми. Извѣстно, что одна сибирячка Александра Никифоровна, которую особенно любилъ старецъ Ѳедоръ Козьмичъ посѣтила въ 1849 году семью Сакеновъ, была очень любезна принята графиней, супругой Дмитрія Ероѳеевича; эта Александра жила нѣкоторое время въ домѣ Сакеновъ и даже видѣла и бесѣдовала съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ одно изъ его посѣщеній. Впослѣдствіи она вышла замужъ за майора Ѳедорова, овдовѣла и вернулась въ Сибирь, гдѣ и скончалась въ пожиломъ возрастѣ. Она была извѣстна въ Томскѣ подъ прозваніемъ «майорши». Но явилось еще другое предположеніе. Графъ Д. Е. былъ женатъ на дочери генералъ-майора И. М. Ушакова отъ брака съ княжной Надеждой Дмитріевной Прозоровской. Стали искать въ семьѣ Ушаковыхъ, не было ли кого-либо, имѣющаго отношеніе къ изслѣдуемому нами вопросу. Оказывается, что дочь Степана Ѳедоровича Ушакова, бывшаго новгородскаго, а потомъ петербургскаго губернатора, Софья Степановна, была замужемъ за Михаиломъ Петровичемъ Черторижскимъ. Овдовѣвъ, она была въ связи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ до его женитьбы и имѣла отъ него сына, получившаго имя Семена, а фамилію Великаго. Такимъ образомъ установилось свойство между Семеномъ Великимъ и графомъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ по семейству Ушаковыхъ. Эта Софья Степановна Черторижская, рожденная Ушакова, вышла

впослѣдствіи замужъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Она родилась въ 1746 и скончалась въ 1803 году. Относительно ея сына Семена Аѳанасьевича Великаго извѣстно слѣдующее. Восьми лѣтъ его помѣстили въ Петербургѣ въ Петропавловскую школу и, какъ говоритъ Кобеко въ своей книгѣ «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», выбрали ему въ товарищи неважныхъ лицъ, чтобы онъ «не догадался о причинѣ этого предпочтенія». Съ нимъ обучались Я. А. Дружининъ, сынъ придворнаго камердинера, Ф. М. Брискорнъ, сынъ придворнаго аптекаря, Х. И. Миллеръ, сынъ портного, Г. И. Вилламовъ, сынъ умершаго инспектора Петропавловской школы, и И. К. Вестманъ. По окончаніи наукъ въ школѣ, Семенъ Великій поступилъ въ морской кадетскій корпусъ и 5-го марта 1789 года изъ сержантовъ Измайловскаго полка, по знанію навигаціонныхъ наукъ, произведенъ въ мичмана. Во время шведской войны С. А. Великій служилъ подъ начальствомъ капитана Травакина и 28-го іюня 1790 года былъ присланъ къ императрицѣ Екатеринѣ II курьеромъ съ корабля «Не тронь меня» съ донесеніемъ о морскомъ сраженіи 22 іюня. Произведенный за это въ лейтенанты, онъ въ числѣ другихъ офицеровъ былъ посланъ для усовершенствованія въ Англію и, служа въ англійскомъ флотѣ, умеръ на кораблѣ «Вангардъ» на Антильскихъ островахъ, въ 1794 году. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ утонулъ въ Кронштадтѣ. Но, по документамъ архива морского министерства, онъ скончался 13 августа на англійскомъ кораблѣ «Вангардъ», въ Вестъ-Индіи. О Семенѣ Великомъ вообще очень мало осталось свѣдѣній. Извѣстно, что одно время онъ находился въ компаніи молодого графа А. Г. Бобринскаго, въ Парижѣ. Подробныхъ свѣдѣній о его кончинѣ не имѣется. Если гипотеза о томъ, что именно Семенъ Великій былъ старцемъ Ѳедоромъ Козьмичемъ вѣрна, то остается узнать и провѣрить, гдѣ онъ обрѣтался, если не умеръ на кораблѣ въ Вестъ-Индіи, съ 1794 года до 1837, т. е. до момента появленія старца Козьмича въ Сибири. Но здѣсь пока не имѣется еще никакихъ данныхъ, чтобы поддержать гипотезу. Просматривая генеалогію семейства Ушаковыхъ, мы напали на странное совпаденіе, а именно, что въ ихъ семьѣ постоянно встрѣчаются имена Ѳедора и Козьмы, и даже были Ушаковы, именовавшіеся Ѳедорами Козьмичами. Но всѣхъ этихъ совпаденій недостаточно для опредѣленія личности сибирскаго старца. Пока не будетъ найдено достовѣрныхъ писемъ или документовъ, писанныхъ рукою Ѳедора Козьмича, нельзя даже и помышлять, чтобы установить загадочную фигуру этого человѣка, а у насъ имѣется только нѣсколько словъ, написанныхъ на листочкѣ и хранящихся въ семьѣ Хромовыхъ, при томъ еще далеко не достаточно данныхъ,

чтобы несомнѣнно признать, что все это именно было писано самимъ старцемъ.

Будемъ же надѣяться, что современемъ кому-нибудь удастся разрѣшить эту загадку и опредѣлить личность Ѳедора Козьмича.

Тайна сибирскаго старца Ѳедора Козьмича.

На дняхъ передалъ мнѣ воспитатель и преподаватель Императорскаго с.-петербургскаго театральнаго училища, Иванъ Степановичъ Петровъ свое изслѣдованіе къ находкѣ ключа для прочтенія «тайны» старца Ѳедора Козьмича.

Прочтя въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статью «Легенда о кончинѣ императора Александра I», И. С. Петровъ спеціально занялся разгадкой записки, якобы оставленной старцомъ, которая точно воспроизведена въ моей работѣ.

Г. Петровъ, послѣ долгихъ и упорныхъ стараній, помощью простой перестановки буквъ, добился возможности возстановить текстъ загадочной записки. Вотъ какъ, по его мнѣнію, нужно читать «тайну» старца:

Се Зевесъ Е. И. В. Николай Павловичъ (1—26)
безъ' совѣсти сославшій Александра (27—55)
отъ его азъ нынчѣ } такъ страдающъ (56—82)
или
отъ чего азъ нынѣ }
брату вѣроломно вопию (83—101)
Да возсія моя Держава (102—119)
1837-го г. Мар. 26-го.

(Подъ каждой буквой первоначальнаго текста записки поставлены номера, въ порядкѣ которыхъ должны быть поставлены буквы).

Эта первая, сколько-нибудь удачная попытка дешифрировать записку старца заслуживаетъ полнаго вниманія и можно только съ благодарностью отнестись къ находчивости И. С. Петрова. Что же касается достовѣрности самой записки и была ли она дѣйствительно написана старцемъ Козьмичемъ, то приходится снова усомниться, потому что показаніямъ одной Хромовской семьи нѣтъ основанія вѣрить. А если даже текстъ возстановленъ правильно, то что должна означать загадочность смысла этой тайны?! Легенда потерпѣла бы уже значительное видоизмѣненіе. Вышло бы, что императоръ Николай Павловичъ сослалъ «безъ совѣсти» брата своего Александра въ Сибирь, что Александръ какъ-то невинно за что-то пострадалъ и «вопіетъ» на несправедливости брата. Фантазіи данъ новый просторъ, а такъ какъ записка помѣчена 26 марта 1837 года, то остается изслѣдовать, гдѣ же провелъ 12 лѣтъ жизни Александръ I послѣ своего исчезновенія изъ Таганрога, потому что достовѣрно извѣстно, что въ Сибири старецъ Ѳедоръ Козьмичъ явился лишь въ 1837 году. На мой взглядъ записка есть плодъ воображенія кого-то, кто видалъ и зналъ старца и, будучи знакомъ съ легендой, хотѣлъ ввести въ заблужденіе всѣхъ тѣхъ, кому удалось бы разгадать смыслъ этой загадки.

11 сентября 1907 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія съ ключа, найденнаго И. С. Петровымъ.

видишили	накакое	васъ	бѣз'словесие	счастие	славо	из'нѣсе	
11.10.53.13.43.25.16.18.	12.55.49.17.14.15. 9.	42.41.50. 8.	27.28. 3. 37.40.38. 5. 4. 39.44. 6.	7. 26.51.34.35.36.48.	30.47.46.32.31.	45.29.52.33. 1. 2	

Но	егда	.	убо .	а .	молчатъ .	П .	Нѣвозвѣщаютъ	
65.56.	59.60.78.62.		96.83.61.	77.	94.93.92.68.85.57.58.	99.	67.69.97.98.63.88.89.81.71.101.70.64.	

	о		в		а		ж			
	105.		104.		117.		116.			
і	Д	Я	ео	а	м .	в	р	а .	крыютъ .	струориан*)
108.	113.	109.	114.111.	103.	110.	118.	115.	119.	72.84.66.80.86.73.	74.75.76.87.91.90.100.79.95.82.
	с		з		Д		я			
	107.		106.		102.		112.			

Се Зевесъ Е. И. В. Николай Павлович (1—26)
бѣз'совѣсти сославшій Александра (27—55)

отъ его азъ нынчѣ
отъ чего азъ нынѣ } такъ страдающъ (56—82)
брату вѣроломну вопию (83—101)

Да возсія моя Держава (102—119)
1837-го г. мар. 26-го.

го	го			
1 8 3 7 Г.	М а р. 2 6.	в	в о л	
		24.	21.23.22.	
	4 3.	П а р.		
		19.20.54.		

Цѣлыя фразы и отдѣльныя слова въ каждой изъ трехъ фразъ могутъ быть разставлены иначе.

*) Здѣсь чтеніе г. Петрова произвольно, можно скорѣе прочесть „Струфіанъ“.